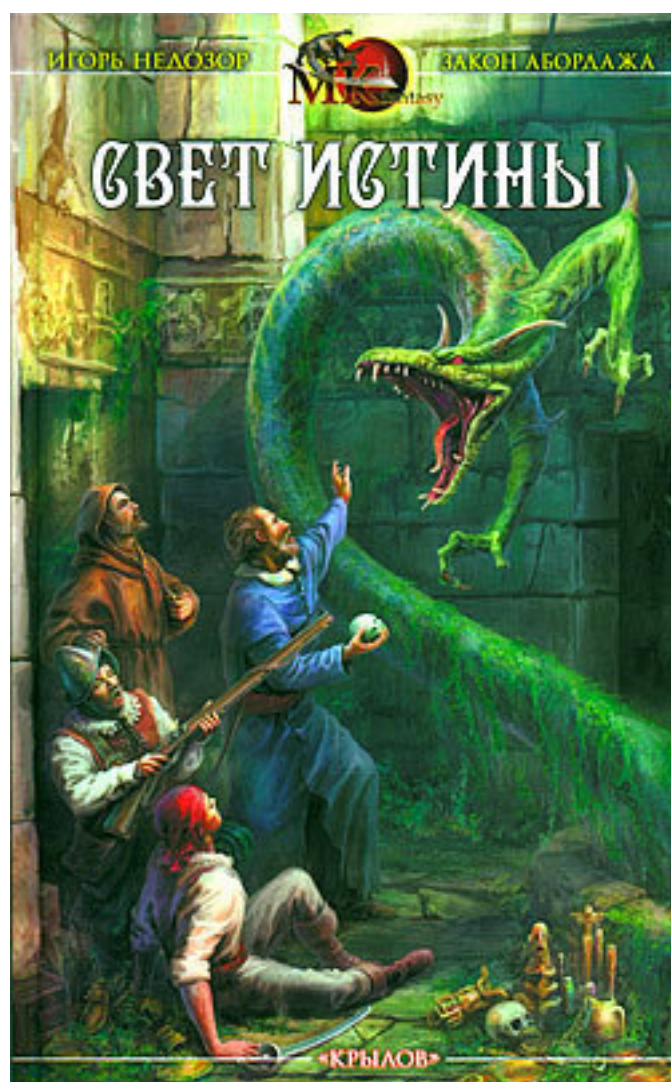

ИГОРЬ НЕЛОЗОР

ЗАКОН АБОРДАЖА

СВЕТ ИСТИНЫ

«КРЫЛОВ»

Закон абордажа

Игорь Недозор

Свет истины

«Автор»

2009

Недозор И.

Свет истины / И. Недозор — «Автор», 2009 — (Закон абордажа)

Этот мир когда-то принадлежал злу. Но легионы Тьмы проиграли битву и в небесах, и на земле. Ушла в пучину проклятая всеми богами земля Ата-Алан, и на тысячелетия мрак отступил. Но было предсказано, что вновь вернется повелитель Смерти и Ужаса, чтобы уже навечно утвердить царство свое... И когда он пришел, то оказалось, что некому заступить ему путь, кроме людей Изумрудного моря: корсаров, рыбаков, чародеев, монахов и королевских каперов. И будут они биться бок о бок, не вспоминая, кто раньше под каким флагом сражался, чтобы не распахнулись над их миром крылья мрака... Скоро уже скрестятся шпаги, загрохочут пушки, и черная магия схлестнется с силой молитв святых отцов...

© Недозор И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

ХРОНИКА ВТОРАЯ	5
Глава 15	5
Схолия пятая	7
Глава 16	9
Схолия шестая	22
Глава 17	26
Глава 18	33
Глава 19	38
Глава 20	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь Недозор

Закон абордажа

Книга вторая

Свет истины

ХРОНИКА ВТОРАЯ

КРЫЛЬЯ МРАКА

Abuss abussum invocat – Бездна призывает бездну (лат.)

Глава 15

Год 3337 от Возведения Первого Храма, 3 число месяца Тонор.

За семь лет до основного действия. Борт «Сына Смерти».

Вот уже пятый день Рагира трепала жестокая лихорадка.

Уже пятый день лежал он в бреду, то трупом валяясь на койке в своей каюте, то корчась в каком-то диком безумном бреду.

Он то пел песни, то ругался на разных языках, то бормотал молитвы, то нес похабщину – по танисски или на лингва маррис.

Бывало, что он выкрикивал команды – словно там, в своем лихорадочном забытии вел «Сына Смерти» в бой. Лишь изредка он просыпался в липком поту, что-то ел, и вновь проваливался в пустоту.

Корабельный медик заподозрил желтую лихорадку, и влил, как и полагалось по науке, в капитана ром, смешанный с порошком ивовой коры – как лечат лихорадку туземцы Иннис-Тон. Это не принесло никакой пользы – разве что Рагира вывернуло наизнанку.

Из чего доктор заключил, что у пациента не лихорадка, и был с бранью прогнан Йунусом вон. Один из матросов – бывший айланский раб, у себя дома – ученик знахаря, приготовил какую-то бурду, но когда сообщил что среди ингредиентов – свежезарезанная крыса из трюма, был тоже вышвырнут вон, с обещанием влить эту отраву ему в глотку.

Наконец, один из пикаронов сказал, что похожим образом мучаются хунганы, когда в первый раз к ним приходит их лоа – и, может статься, некий дух тоже ищет пути к капитану.

Тут уж Йунус испугался не на шутку – старый грешник и богохульник, он, тем не менее, помнил все истории об одержимых Илбисом и его детьми. Он даже готов был провести над Рагиром настоящий экзорцизм по всем правилам веры фаранджей, но, увы – единственным священнослужителем Элла на пиратской флотилии был парусный мастер Изидоро – монах-расстрига ордена калатаров, лишенный сана двенадцать лет тому за избиение духовного наставника.

Йунус и Корр о-Данн, да и все матросы и офицеры обеих кораблей испытывали все больший страх – они отлично понимали, что без Рагира, без своего удачливого и умного атамана, который то ли чернокнижник, то ли отмеченный печатью Всевышнего человек, им настанет конец.

Рагир медленно выплыл из мутного облака, мучительного потустороннего не-бытия...

В очередной раз приснился этот жуткий кошмар!

Вновь эти видения, после которых не остается ничего кроме ощущения всепожирающего исполинского пламени в невыразимой бездне, вновь эти голоса.

Голоса, которые не голоса, но которые говорят что-то хотя и не словами, но явственно и недвусмысленно.

– *ТВОЯ ДУША ЧЕРНЕЕ УГЛЯ... ТВОЕ СЕРДЦЕ ХОЛОДНЕЕ ГОРНЫХ ВЕРШИН... МЫ ОТДАДИМ ТЕБЕ ТО, ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ... МЫ ПОМОЖЕМ ТЕБЕ НА СУШЕ И НА МОРЕ... НО МЫ ПОТРЕБУЕМ ОТ ТЕБЯ ПОМОЩИ НАМ... ТЕ, КТО ИЩУТ МОГУЩЕСТВА, ДОЛЖНЫ ПОКЛОНИТЬСЯ НАМ...*

Потом накатывала боль.

Она появлялась неожиданно, накатывалась тяжелой разрушающей волной, сметающей все эмоции и ощущения реального мира, оставляя только расплавленный свинец в мозгу, постепенно превращая его в огненный пылающий шар...

Странно, Ар-Рагир ощущал каждой клеткой своего тела эту жуткую боль, но по недоступным разуму причинам она в то же время была волнующе-приятной, и он даже... ждал наступления этих болей.

Но потом вдруг приходили незнакомые ощущения, будто некто из потустороннего, сияющего голубой дымкой мира мягко берет тебя за руку, и ты переносишься с ним сквозь время и пространство, сквозь вечность, не ощущая своего физического тела. И тебе кажется, что можно долететь даже до солнца. Каждая пора кожи впитывала в себя излучения прохладного голубоватого мерцания.

Больше всего пугало, что после таких моментов память наотрез отказывалась воспроизводить в мозгу происшедшие события.

Рагир открыл, наконец, глаза, и, утерев пот, приподнялся на койке, и протянул руку, чтоб взять со столика кубок с вином. И застыл.

У его койки на застланной шкурой ягуара скамье, сидел высокий чернобородый человек в одеянии, какие видел Рагир на древних монолитах, что стоят в высохшей пустыне в отрогах гор Сатлах. Но откуда здесь взяться человеку со сгинувшей восемь тысяч назад лет Благословенной Земли – Ата-Алана?

– Здравствуй, *сын мой*, – ласково улыбнувшись, сказал гость. – Как давно я ждал тебя. И вот, наконец, мы увиделись...

– Кто ты? – вполголоса спросил Рагир, покосившись на сидящего рядом знахаря, свесившего голову на грудь.

– Не бойся, он нас не услышит.

– Но кто ты?

– Видишь ли, – гость вновь улыбнулся, и доброта и проникновенный свет этой улыбки проник до глубины темной души черного мага и самого страшного корсара Дальних Земель. – Видишь ли, *сын мой*, это будет не так просто объяснить. Я...

Схолия пятая О ВРАГЕ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

«...Сам великий Дух Зла, Хамиран, Отец Мрака, изначальный лик смерти, жуткого разрушения, безобразное обличье злобы. Это смерть, разрушение, отрицание жизни, это король зла.....Демон пустыни, дети Его – Аз и Аза, главный слуга Его – Езр – Рука и Глаз Его. Все иные рабы Его с Ним...

...Он решил присвоить себе то, что было в воле Элла... Хамиран сначала пытался осквернить Солнце, но не смог его оплодотворить из-за страшного жара, излучаемого светилом... Затем Хамиран пытался разбить Небо, но не преуспел по причине крайней твердости... Звезды попадают в Его длани и щупальца, и Он прицепляет их к своему плащу...

...Наводит полную жуть и тьму на всю Вселенную, на весь мир, так, что он становится искаженным миром. Он искажает мир и естественный ход вещей в нем.

...Хамиран пробил Землю в северных странах, среди льда и мрака, и внутри Земли приготовил место для своих демонов, и вылетает из нее на дальнем юге, где нет жизни, а только холод... Отец Мрака собирает войско. И когда Он видит, что не все подчиняется Его власти, что Он не может обрушить Небо на Землю, тогда возвращается и оскверняет Воду, оскверняет саму Землю, делая ее пустынной, оскверняет деревья, дерево Хао вырывает с корнем и разбрасывает, оскверняет животных... – Священного быка Благословенной Великой Матери, Андвисуры-Анахиты, Эвдата оскверняет – Птица Отца нашего Элла... Потом добирается до Гайомарта, расчленяет, разбрасывает его... Губит людей, совращает и растлевает, повелевая себе поклоняться.

В это время, когда Он убивает, против Хамирана выступают Великие...

Вертранг, который мечом сражается против Хамирана, и великий Страж Запада Шато-Ваэш, который удерживает на время битвы Небо...

Вертранг сражается против Хамирана огненным мечом, и Хамиран не может его победить.

Хамиран получает бой уже на Земле, с которой Его вытесняют, а Его подручных загоняют в сердце Земли, запечатывая их там...

...Вблизи темных островов происходит страшная битва между Светом и Тьмой, между Езром и Вертрангом, сыном Благословенной...

...Езр принимает вид черного крокодила-коршуна и ведет полки мрака, а Вертранг принимает вид золотого сокола... Вертранг, обернувшись соколом, сражается с Езром и побеждает. Вертранг теснит Езра, и на пороге Неба, вырывает у него уд...

...И упало тело Хамираново, черным огнем из ран исходя, на землях, что за краем Океана, где драконы... И развалилось на десятки кусков, каждый из которых стал живым существом-демоном, обладающим частью силы Его...

И рухнули отрубленные части в море и на острова пустые – вовеки прокляты те острова смрадным дыханием... И ждут своего часа, дабы, соединившись, вновь стать одним целым...

...Но не трогают их благословенные до поры до времени... На них поставлена печать Всевышнего, но он это глаз Тьмы, а не око Божье, на которое поставлена печать в трех мирах и было произнесено три слова: Хэлат, Хэкст, Хварешт. Сими тремя словами Вертранг запечатывает могилу, где погребена одна из частей тела Хамиранова, но все равно Езр не убит... Он прикован к скале и никуда не уходит, и время от времени через него Хамиран нечестивый, передает свою волю... И поэтому демоны, заключенные в подземелье в центре мира порою пробуждаются...»

(Каримский свиток. Самый древний из сохранившихся священных текстов Церкви Элла. Текст заметно отличается от канонического и, по предположению некоторых светских ученых, восходит к временам первого тысячелетия Э.Х.)

* * *

«Тогда враг был повержен, но хранители мудрости знали, что однажды силы Тьмы возвратятся. Свое знание они заключили в древних сказаниях и легендах, что понятны слушающим голос времени... С незапамятных времен из уст в уста передавались эти истории. И Земля процветала, пока эти предания не были позабыты...

И вот тысячи лет прошли. И Великий Враг может вернуться. Он изменил способы борьбы, многому научившись за века обмана. Не изменилась лишь Его сущность: ненависть ко всему светлому, бессмысленная злоба, жажда разрушения, стремление поработить и грабить. Надо помнить – он недостижим для разума, и даже сами Пресветлые Боги не встают на его пути».

(Преподобный Астор Марколли «О древних и новых откровениях, касающихся Хамирана»)

* * *

«Неведомые Творцы породили семерых, и пятый из них был Элл. Третьим же был Хамир – с обличем дракона и цветом изумруда. Душа его была огнем, но имел Он множество личин, будучи под ними всеми. Так что он мог перенять личину у них всех по воле своей. Будучи среди Высших и Великих, он уделил им от своего огня. Вследствие этого он стал господином над ними – из-за силы, которая была у него от света его Прародителей...

Оттого Он и назвал себя богом. Но Он не был послушен месту, откуда произошел. И Он смешал с властями, которые были у него, семь сил в своей мысли. И Он дал имя каждой силе. Раздав наделы и уделив всем силу свою, Хамир собрал вокруг себя Высших и Великих, и всех бессмертных духов, и сказал: «Я господин ваш, и нет другого, кроме меня!! И не поклоняйтесь иным силам!!». Но, объявив это, Он показал рабам своим, которые были около него, что есть и другие боги. Ведь если бы не было других, то к кому Он мог ревновать? Тогда предстоящие перед ним усомнились в подлинной мощи его. И молчали, не желая славить его.

Но нашелся среди них один, владыка Воздуха и Огня, именем Хезр. Цветом зимнего заката и старой Луны был его цвет. «Ты – бог наш и господин, и нету над нами другого!» – так рек он. И стал он правой рукой Хамира и предводителем легионов его...»

(Книга Теней. Запретное писание, восходящее к мистикам Уаджет. Запрещено в землях, исповедующих истинную веру, а также во всех танисских государствах)

Глава 16

Год 3337 от Возведения Первого Храма. 16 число месяца Динат.

Остров Шалиско. Заморские владения королевства Эгерия. Город Сархьено.

На востоке только начали появляться первые проблески утренней зари, когда в залив Хомбриго вошли пиратские корабли. Их появление было неожиданным для часовых, боровшихся с предрассветным сном, так что тревогу подняли не сразу. Лишь когда abordажные крючья вцепились в обшивку двух патрульных пинасс стоявших на рейде, а с их бортов полыхнуло пламя пушечных залпов, сея смерть, на фортах затрубили тревогу. Но было уже поздно.

Сархьено был с трех сторон окружен болотами и манграми. Примерно десять месяцев в году едва ли не самыми многочисленными его обитателями были гарнизонные солдаты. Солдаты же являлись и основными посетителями портовых борделей, лавочек и таверн, выстроившихся вдоль причалов.

Но в краткие два весенних месяца все менялось – именно в этом городке происходила знаменитая Саррхьенская ярмарка, куда раз в году на сорок дней собирались торговцы со всех берегов Изумрудного моря, из городов Золотого Ожерелья и Эль-Венты, чтобы обменять плоды этой богатейшей земли на товары из Старого Света. Ибо по капризу судьбы именно тут было скрещение наиболее удобных морских дорог Изумрудного моря.

В дни ярмарок сюда стекались толпы народу, город начинал гудеть, словно улей: всюду сновали продавцы и покупатели, принимающие, присматривающиеся, приценивающиеся; на улицах купцы громко расхваливали привезенный из-за моря товар, стремясь быстрее продать его. Чтобы тут же обратить выручку в золото, серебро, сапфиры и жемчуг, в кораллы и розовое и черное дерево, индиго и кошениль, сахар, перец и мускатный орех...

На его улицах и базарных площадях встречались люди и товары со всех концов мира – от низкорослых краснокожих аборигенов Иннис-Тон, до жителей далеких южных островов, и от моржовых клыков с ледяных морей, до тонкого цяньского фарфора.

Но вот сейчас, похоже, купцы рискуют остаться без барыша.

* * *

Уже через полчаса после дерзкой атаки граф Пьедро де Хасинто – алькальд Сархьено – расхаживал по стене, зло отдавая приказы и посматривая в подзорную трубу на пиратские суда, расположившиеся на рейде вне досягаемости орудий форта как у себя дома.

Голос графа то срывался на басистый лай, то становился похожим на шипение змеи. Он щедро раздавал зуботычины, как ему казалось, нерадивым стражникам и расточал угрозы офицерам, по его мнению, прохлопавшим врага. Спустя некоторое время алькальд немного успокоился и высунулся в бойницу, изучая корабли. Пять судов – обычный шлюп, пинасса, винко, бригантина, и хищный силуэт с низкой кормовой надстройкой и двумя скошенными мачтами.

Тут и гадать было нечего – дармун на всем Изумрудном море был лишь у одного человека.

Граф скрипнул зубами, но снова сумел овладеть собой.

Он уже догадался, кто пожаловал по их души.

Рагир!

Этот удачливый пират, по слухам запродавший арбоннцам. Нет, этому чертовому ублюдку не удастся захватить город. Или и впрямь ему, как болтают темные людишки, сам Хамиран помогает? Бредни!

Но в этот момент пиратские корабли, подняв паруса, снова подошли на расстояние выстрела, и их борта окутались дымами, смешанными с утренним туманом. Одна из бомб уда-

рила в стену, недалеко от алькальда, брызнула каменная крошка и де Хасинто, прервав размышления, сунулся обратно под защиту стен.

– Позвольте вам заметить, ваше превосходительство... – начал было один из сопровождавших графа, но тот лишь повернулся в его сторону, и выражение его лица вызвало в каждом из офицеров мысли о плахе и топоре.

Пока солдаты гарнизона, богохульствуя и матерясь, стаскивали с фортов пушки, чтобы усилить направленные на залив батареи, алькальд созерцал с бастионов приготовления высадившихся на берег пиратов. Те, казалось, совсем не торопились. Одни вытесывали из срубленных деревьев лестницы и мантелеты, другие просто готовились к бою, натачивая мечи и проверяя ружья.

Де Хасинто нервничал.

У проклятого пирата наверняка нет осадной артиллерии. Да если бы и была, как он думает подтащить пушки под огнем со стен? На все это нужно время, а времени у него немного. Да и слуханное ли это дело – пираты, штурмующие город?!

Конечно, стены Сархьено не сравнить с крепостями Старых Земель и даже с Туделой или Геоанадакано. Но это были стены достаточно высокие и крепкие, чтобы их невозможно было взять без осадной артиллерии и какой-никакой, а подготовки.

Граф еще раз с неким подозрением оглядел брустверы и контрэскарпы. Нет, вздор, он, конечно, не столь толковый военный, как убывший на днях в инспекционную поездку по гарнизонам дон Ромегас, но тут любому понятно, что без многочасового обстрела стены нечего и думать разрушить.

Тысяча демонов и рыло Хамираново! Да не случилось еще такого, чтобы корсары занимали приступом города во владениях короны! В старые времена, когда еще не было вокруг поселений в Дальних Землях стен и башен, такое бывало. Но сейчас...

Бывало, захватывали хитростью, проникая за стены, иногда брали изгоном, врываясь в ворота с перепившимися или просто замешкавшимися караульными. Но осада и штурм? На что они рассчитывают?

Именно эта мысль и вертелась в голове дон Хасинто, когда под его ногами разверзся огненный ад...

* * *

Дикий грохот сотряс землю, вышибая стекла домов, взрывная волна прокатилась по улицам, срывая черепицу с крыш купеческих патио и тростник с кровель убогих хижин.

А потрясенные пираты и солдаты гарнизона с одинаково отвисшими челюстями созерцали дым и пламя на месте форта. Тысяча пудов пороху – не шутка!

Когда серо-бурые клубы рассеялись, радостный вопль рванулся из сотен глоток – каменный исполин обратился в груды обломков, осев внутрь себя.

Ударили барабаны, и в пролом с диким ревом ринулась толпа флибустьеров – с покосившихся стен ответили лишь одиночными выстрелами.

А от стоявших на рейде кораблей уже отвалили шлюпки.

Прежде чем перепуганные эгерийцы смогли понять, что происходит, их сопротивление было сломлено ворвавшейся в город дикой ордой.

К вечеру все было кончено. Солдаты сдавались почти без боя или в панике бежали.

В Сархьено воцарился полный хаос. Головорезы Рагир, размахивая абордажными саблями, сновали по городу, гоня перепуганных обывателей, покинувших свои дома в надежде на спасение. Охваченные паникой люди разбежались по улицам, а за ними, как стая хищных волков, носились пираты.

Из-под ног мечущихся, обезумевших от страха людей с кудахтаньем вылетали куры, тут же с блеяньем бегали козы, всюду слышались крики, стоны и плач.

Одержавшая победу толпа с ревом кинулась на богатую добычу.

Удары топора, которым рубили двери и взламывали ящики, перемежались с ликующими возгласами счастливых, нашедших припрятанные сокровища, со стонами умирающих и рыданиями женщин, тщетно рвавшихся из жадных рук победителей.

Вскоре суматоха в городе стала стихать.

Захватив храмы, пираты устроили из них тюрьмы, загоняя туда несчастных, угодивших к ним в руки. Те, кто остался на свободе, трясаясь от страха, прятались по домам или делали робкие попытки уйти в джунгли.

Разграбление города продолжалось весь вечер и ночь. Золото и серебро в слитках и монете, красное и черное дерево, восточные ткани, кораллы и церковная утварь...

Всю ночь в приемный зал пронунсии захватчики сносили и носили все новую добычу. Золотые слитки они сваливали на полу, точно поленья. Драгоценные камни, как груды орехов, расположились на огромном столе, за которым в дни праздников веселились благородные доны. Украшения, иные со следами крови, наполняли большую корзину, и принимавший их баталер «Сына Смерти» Седрик Сарторис хрипло вопил:

– Акула вас дери! Сколько говорить – с отрубленными пальцами не таскать, снимите сперва!

Йунус сидел в резном кресле, а перед ним угрюмый полуголый чернокожий разложил на резном губернаторском столе инструмент, принесенный из городской тюрьмы.

А к нему, как грешников на суд к Эллу, пираты подтаскивали пленников.

– Где золото?! Молчишь? На колени, червяк! Кагуно, отрежь-ка ему левое ухо...

– Нет, нет, смилуйтесь! Смилуйтесь! Я покажу! Клянусь! А-а-а!! Клянущ, што вшо шкажу! Оно ф колодце на жаднем дворе...

– Следующий! Нос отрезать?

– Нет, не надо, я все покажу...

И даже хуже, чем яростная гримаса палача или блеск инструментов, лишал воли пленников взор старого корсара – по-восточному спокойный, равнодушный и... беспощадный. Как у мясника, собирающегося резать визжащую свинью...

И так всю ночь... Едва очередная жертва сдавалась, ее уводили три-четыре человека, которые затем возвращались со шкатулками и кошельками, серебряными блюдами, золотыми украшениями и одеждой из цветных шелков. Блещающие сокровища в Приемном зале сливались в огромную кучу, а хозяев, униженно благодарящих за сохраненную жизнь, прогоняли пинками...

– Ну, Рагир, точно закажу шесть благодарственных месс за твоё здоровье! – весело подпрыгивал коротышка Антис, капитан по кличке Святоша, второй из пошедших в рейд в консьорте с Морингахом.

Этот бывший настоятель монастыря лишился всего и угодил в ссылку за море за какие-то неведомые грехи – то ли за неподобающий интерес к молоденьким послушникам, тот ли за столь же неподобающий интерес к монастырской казне.

– Как ты это все смог повернуть?

– Да так, – усмехнулся Рагир, – потолковал тут кое с кем, что они сделают вид, будто обороняются, а мы – что взяли ужасно жестоким штурмом этот курятник...

– Ну, ты ловок, слава Эллу! – Антис осенил себя святым знаменем, и Рагир повторил за ним.

Йунус удивленно посмотрел на своего жоака, но потом, подумав, сделал то же самое.

Рагир лишь пожал плечами, глядя на душевные муки соратника.

Сам он давно уже без напряжения поминал Эллу и всяких святых тех, кого прежде звал язычникам и неверными.

Как говорят сами фаранджийцы: в чужой монастырь не ходят со своим уставом. К тому же – у него теперь иной владыка.

А крещенных танисцев хватает, что в Эгерии, как их не прижимают, что и по другую сторону Неретейских гор и даже за морем. В конце концов, прежде немалая часть его соплеменников придерживалась именно этой веры, пока с востока не явились полчища всадников под синим знаменем с серебряной луной.

Слава... Эллу, тут в Дальних Землях никто с тебя не потребует свидетельство о конфирмации, а даже и потребуют – найдутся те, кто его охотно продаст.

И вообще, Рагиру очень нравились строки великого хойделльского поэта Вальгима Вальгера, слышанные в одном из кабаков Кадисты:

*За веру пусть осел безмозглый бьется,
Кто ж правильно живет – не ошибется!*

К ним подбежал Маноло, чуть склонив голову, попросил у Рагира внимания.

– Ну? – осведомился корсар, отойдя на дюжину шагов. – Как тот человек поживает? Он еще может пригодиться...

– Я... – нерешительно начал эгериец, – скажите, капитан, этот Готье был очень вам нужен? Морингах отметил, что матерый головорез-эспадачин явно смущен и растерян.

– Что там, не тяни! – буркнул маг. – Наши ребята успели его прирезать?

– Нет, капитан... Он это... сам себя порешил. И всех своих – жену, дочек, даже кошку зачем-то. Я прихожу, а их уже мухи едят. Это ведь точно не наши, – зачастил Маноло. – Прямо во сне, видать. Они в кроватях – горло перехвачено у всех, да чисто так, в один удар – так и атаману моему прежнему, старому Барбаригу бы не сработать. Не наши, наши бы девок не стали... сразу. А он прямо во дворике... Кишки себе выпустил, покруче, чем хэянец. Кордом, три раза по брюху до рукояти, вот...

Сын Смерти с сомнением уставился на Маноло – с того стало бы, пожалуй, прикончить старика и домашних, чтобы присвоить данное Рагиром вознаграждение. Он, сосредоточившись, мысленно произнес заклятье «Света Истины». Нет, Маноло не врал. И, похоже, был искренне испуган.

– Главное, кошка... – продолжил Маноло, почему-то отводя глаза. – Кошку зачем было? Да главное не со зла, а так аккуратно: связал, и голову снес на колоде кухонной. Кошку-то, кошку – это что ж за дела?

Рагир припомнил, что Маноло из мисрийских горцев, а те полуязычники до сих пор говорят украдкой чтят Великую Госпожу-Кошку, а уж обидеть самую завалящую мурлыку для них куда как более немислимое дело, чем перерезать десяток глоток.

– Я так думаю, рехнулся старик, а может, совесть замучила, – закончил он. – Кошку вот... жалко...

– Ладно, можешь идти, Маноло, спасибо за работу.

Не обращая внимания на веселящегося Антиса, капитан направился скорым шагом по улице.

Маноло проводил взглядом атамана, вполголоса выругался.

Как тот глянул – аж сердце сжалось! И Маноло почти что уж совсем приготовился повиниться, что украл из смердящего кровью дома старика кошелек с золотыми побрякушками – платой за измену.

* * *

...Улицы вокруг дворца пожар пощадил. Капитан Морриганх шел по мостовой, мимо пепелищ и камней почерневших стен на месте домов, построенных из кедра, ныне ставших горами дымящейся золы. Кое-где трупы убитых горожан скаплились в небеса.

Над сгоревшими улицами все еще колыхались клубы дыма, наполняя воздух едким запахом паленого.

Несколько корсаров рылись в золе, ища расплавившуюся драгоценную посуду.

Но Рагир мало внимания обращал на это. Магия его оказалась не такой уж сильной, как думалось – треклятый Сомир ушел от него, ушел! Нити, брошенные им на его разум, оказались непрочными.

Обогнув угол рухнувшего склада, капитан натолкнулся на еще одного пирата, который поспешно сунул что-то в карман.

Морриганх остановился, уставившись на струхнувшего корсара.

– Что у тебя в кармане? – справился он.

– Ничего, мой лорд... совсем ничего...

– Покажи, что у тебя в кармане! – Рагир ткнул ему в грудь острием сабли.

– Да ничего, мой лорд, только маленький крестик. Я его нашел...

И он вытащил усаженный алмазами золотой крест.

– Это для моей жены...

– Так ты женат?

– Да! Да!

– Жаль! Ты знаешь, как наказывается сокрытие добычи?

Тот посмотрел на клинок в смуглой руке, и его лицо посерело.

– Мой лорд, мой лорд, пощадите... – начал он придушенно.

И тут его словно стиснули невидимые гигантские пальцы. Руки вытянулись, прижались к бокам, рот вяло приоткрылся, глаза потускнели, остекленели.

Губы покрыла пена. Тело задергалось, как в судорогах у бесноватого. Выгибаясь, посинев лицом, рухнул он на землю, рот ощерился в последнем безумном оскале...

Поблуднев, долго стоял Рагир над бездыханным телом.

* * *

Пираты праздновали победу. В самый большой из уцелевших дворцов прикатили десятки бочек вина. Середину помещения очистили от тюков и ящиков, и там началась буйная пляска. Туда пришло немало женщин – еще вчера жен и дочерей богатых и знатных господ. Теперь же...

Они кружились и прыгали под вопли фрегата, бесстыдно встряхивая распущенными волосами.

– Погляди вон на ту! Как тебе ее ляжки, а?

– Нет, вот та донна! Что за вымя!

– Тысяча и одна бесовка!!

– Ну и ляжки!!

– Эй, да сними ты с себя платье, ты и без него хороша!

– Уплыви-ка ты со мной, сеньорита, тут тебя все равно никто замуж не возьмет теперь, а мне как раз баба нужна! Будешь жить как королева, всю добычу тебе отдавать буду, Эллом клянусь!

– Хой! Хой!

А вокруг бушевала пляска, и воздух вонзался в уши пронзительной мелодией флейт.

Рагир Морриганх извлек из груди сокровищ золотой кубок, удивительно тонкую, изящную, с длинными изогнутыми ручками и серебряным ободком.

Снаружи по ней гнались друг за другом четыре зверя – леопард, волк, медведь и змея, а внутри, на дне, обнаженная девушка вздымала руки в чувственном экстазе. Капитан повертел чашу в руках и затем небрежно кинул ее в сияющую всеми огнями пирамиду изумрудов – их хозяин наевное уже кормит рыб в гавани или трясется от страха где-то в подвале. Камни рассыпались с сухим шорохом, как горошины. Рагир Морриганх встал, прошелся взад-вперед...

Он думал о холодной руке, схватившей безымянного пирата в последние мгновения жизни.

Рагир не мог понять, почему ему вдруг захотелось убить жалкого человечешку.

И тот умер...

А ведь прежде такого он не мог! Да что там, это ведь лишь легенды, про магов убивающих взглядом, про чародеев, которым повиновались мариды и дж'йинны...

Не зря же он сперва даже испугался...

С усмешкой теперь вспоминал те мгновения, когда стоял, опустив оружие над мертвецом, как тыкал труп ногой, оглядываясь со страхом: не увидел ли кто?

Выходит, поторопился он жаловаться на судьбу. Пусть магия подчинения и не совсем дается ему, но зато он получил умения, о которых он лишь слышал в легендах да читал в древних манускриптах...

Но если теперь может такое... то не окажется ли, что завтра или через год сумеет больше? Ну, например, омолодить себя...

От этих мыслей ему стало жарко и жутко...

О, да как он, ничтожный, мог усомниться в силе того кто и поверженный сильнее всех земных магов?

И Рагир невольно замер, вспоминая...

Ведь не так давно это было – и полгода не прошло.

* * *

...После очередного приступа Рагир открыл, наконец, глаза, и, утерев пот, приподнялся на койке, и протянул руку, чтоб взять со столика кубок с вином. И застыл.

У его койки на застланной шкурой ягуара скамье, сидел высокий чернобородый человек в одеянии, какие видел Рагир на древних монолитах, что стоят в высохшей пустыне в отрогах гор Сатлах. Но откуда здесь взялся человеку со сгинувшей восемь тысяч назад лет благословенной земли – Ата-Алана?

– Здравствуй, сын мой, – ласково улыбнувшись, сказал гость. – Как давно я ждал тебя. И вот, наконец, мы увиделись...

– Кто ты? – вполголоса спросил Рагир, покосившись на сидящего рядом знахаря, свесившего голову на грудь.

– Не бойся, он нас не услышит.

– Но кто ты?

– Видишь ли, – гость вновь улыбнулся, и доброта и проникновенный свет этой улыбки проник до глубины темной души черного мага и самого страшного корсара Дальних Земель. – Видишь ли, сын мой, это будет не так просто объяснить... Но сначала я хочу тебе кое-что показать...

И окружающий мир вокруг Рагира вдруг вновь пропал.

И он *увидел*...

Он вообще не мог себе представить, что такое можно увидеть простым человеческим глазом.

В том месте, куда он попал, не было ни верха, ни низа, ни неба, ни земли... Это была фантастическая Бездна, но не Бездна Мрака которой пугают святоши, а какая-то совсем иная, наполненная изумительными сверкающими огнями, игрой света, волшебными переливами. В этом месте... в этом мире одновременно двигалось и перемещалось во всех возможных и невозможных направлениях столько сущностей и их теней и отражений, что, казалось, еще мгновение – и он сойдет с ума...

Думать об этом, осмысливать, понимать он не мог. Он не стоял, и не сидел, не летел а просто *был*, и перед ним – или в нем – в плотной овеществленной тьме разворачивались светящиеся полотнища исполинской протяженности сотканные из струй живого огня всех возможных и невозможных цветов и оттенков.

Но вот возникло перед его очами странное переплетение разноцветных нитей, а потом маг-пират увидел сферу чудесного голубого оттенка, висящую в черном океане пустоты.

И Рагир понял, что перед ним – его мир, тот, что мудрецы именуют «подлунным». Тот самый, который Высочайший сотворил, сказав «Будь!», и «подвесил ни на чем», как говорят святые книги веры его предков.

Шар медленно поворачивался вокруг своей оси, и зрению Рагир представала темная синева океанов и более нежный голубой оттенок мелких морей, рыжие пятна пустынь, нежная бирюза северных лесов и темные изумруды бесконечных джунглей. А вот эти крохотные пятнышки, неужели это города людей? Какие они жалкие и маленькие с этой высоты.

Кто-то в глубине сознания осведомился: а, интересно, с какой? И как будто ниоткуда пришел ответ: сто пятьдесят морских миль по фаранджийскому счету.

И Рагир, как не был потрясен зрелищем, подивился – как мало...

Шар тем временем вращался, и Рагир видел все части мира. Похожий на грушу Айлан, от Шаргиба и узкого лезвия Лазурного моря, что разделяет Уаджет и земли древнего Таниса, до серых степей южного края, где иногда выпадает снег, заставляя слонов и львов испуганно дрожать.

Земли фаранджей – просто большой остров с приткнувшимися возле него клочками суши – Норгрейном и Хойделл, – сбоку от Саианы: огромного, протянувшегося с востока на запад материка древних царств и погибших городов, что лежат под курганами; материка холодной тайги, жарких пустынь и душных джунглях где трубят слоны, и где от Сяни до Сурии нужно ехать полгода.

Закованные в лед неведомые почти никому просторы Южной Земли, смыкающейся одном месте с землей Иннис-Тор, земли, до берегов которой мало кто доплыл, а еще меньше вернулись, погубленные штормами, плавучими льдами и жестокой полярной ночью. Рагир видел и жалкие островки тайги и тундры на его окраинах, и насквозь промороженные горные хребты в его глубине, и даже то, что таится под ледниками... Да, вот об этом ему не доводилось ни читать, ни слышать в самых запретных книгах! Выходит, Проклятье Последних Драконов – не легенда?

Впрочем, вряд ли это ему пригодится, пока, по крайней мере.

Видел он и мириады островов Бескрайнего океана. Больших и совсем крошечных, и огромный мост из огромным малых клочков суши, начинающийся у южной оконечностью царства Сянь и заканчивающийся лишь чуть-чуть не доходя до южных льдов. Об этих островах было неведомо ни фаранджийцам, ни танисцам.

А вот и Дальние Земли. И северный материк, пересеченный наискось скалистыми хребтом, с его прериями и северной тайгой, пустынями и болотами.

И Иннис-Тор, где миллионы его обитателей могут легко раствориться в бескрайней сельве и степях высоких трав. Вот Изумрудное море, с россыпью Архипелага и зелеными спинами

островов покрупнее. Вот его гладь, и впрямь с высоты похожая на грань полированного изумруда, приблизилась, и Морриганх различил на ней мельчайшую крупинку. Еще миг, и стало ясно, что это корабль, похожий отсюда, с этой высоты на ползущего по стеклу жука. Вот корабль увеличился в размерах, и стало ясно, что это трехмачтовый дармун...

Рагир открыл глаза и увидел себя вновь в своей каюте, рядом с похрапывающим знахарем и неведомо как воскресшим ата-аланцем.

И вот тогда пират понял, кто перед ним! И даже почти не испугался.

– Ну, сын мой, что ты скажешь, достаточно ли хорош этот мир для тебя? – осведомился гость.

– Как пожелаешь, Господин Мой... – сами собой вымолвили его губы...

* * *

– Капитан! – в дверях появился Корр о-Данн. – Тут эгериец пришел. Что с ним делать? Прикончить?

– Какой еще эгериец? – спросил Морриганх, выходя из раздумий.

– Да вот этот, мой лорд! – и говоривший подтолкнул вперед молодого человека красном мундире королевского стрелка.

Рагир внимательно изучил его, вперив взгляд тому в очи. Тот выдержал чуть больше минуты.

– И что же тебе надо, офицер короля? Тебя прислал де Хасинто? Узнать выкуп за сохранность этого вонючего городишки?

– Нет, дон Рагир, – поклонился лейтенант. – Я не от алькальда, тем более что он погиб. Просто... он замялся. – Мы, я и мои люди, хотим поступить к вам на службу.

– Ого! – присвистнул за спиной Рагира Йунус.

– Интересно... И сколько вас? – осведомился корсар.

– Сорок два человека, считая меня, – подтянувшись, отрапортовал офицер. – Из них двадцать семь аркебузирова и девять пикинеров, три подносчика, трубач, лекарь и писарь. Все при оружии, служат не меньше трех лет.

– И почему же ты решил изменить своему королю, идальго? – прямо в лоб справился маг.

– Видите ли... – лейтенант замялся, затрудняясь, как титуловать собеседника, – ... э-э-э... мой генерал, наш капитан погиб, и заступиться за нас некому. Поражение наверняка свалит на нас! Когда сюда явится Ромегас, то в лучшем случае меня разжалуют и сошлют куда-нибудь в горы, а из моих ребят повесят каждого десятого.

– Мне жаль вас, но что-то сомневаюсь, что такие доблестные вояки, как вы, могут быть мне полезны, – пираты откровенно заржали. – Не очень-то охотно вы бились вчера!

– Дон Рагир, – лицо лейтенанта исказила судорога, – мы уже год не видали жалования! На этой службе мы ничего не получили, кроме ран и лихорадки, даже кормят нас помоями! Нам шлюхи в лицо плевали, говоря, чтобы мы развлекались... с козами... или... друг с другом...

Пираты опять захихикали.

– Эта свинья Роменас ободрал бы собственную бабушку! А за добычу мы будем биться, как львы!

– Скорее уж, как голодные шакалы, – уточнил Морриганх. – Ну да ладно, как тебя зовут, молодец?

– Лейтенант Эрера, мой генерал! – по-уставному щелкнул каблуками Эгериец.

– Отлично, десятник Эрера, гони сюда своих храбрецов!

К вечеру четвертого дня отблески пожаров, охвативших город, осветили силуэты пяти кораблей – трех пиратских и двух трофейных, шедших курсом на запад вдоль побережья прочь от этого проклятого Эллом места.

Явившийся сюда на вторые сутки на взмыленном коне взмыленный генерал Хорхе де Ромегас проклял все и вся страшными проклятиями, вздернул пятерых уцелевших солдат, а остальных перепорол плетью, отослал в Геоанадакано в кандалах нескольких из спасшихся офицеров, вместе с отчетом вице-королю, в котором написал, что всему причиной было его отсутствие в городе.

Тело погибшего графа Навагреса, заброшенное взрывом на верхний купол колокольни городского собора Элла, сумели снять лишь на пятый день, когда чайки и вороны оставили уже не так много от сиятельного покойника.

А Рагир Морриганх – Сын Смерти был единогласно признан в пиратской братии Изумрудного моря самым опасным ловким и удачливым капитаном.

* * *

За несколько недель до падения Сархьено

Почтенный мэтр Готье Жиро только что закончил утренний обход городского арсенала, смотрителем которого был вот уже двенадцать лет.

Ежедневно с восхода и до полудня этот пожилой седоголовый мужчина проходил лабиринтами крепостного арсенала, где «обитали» его подопечные.

Матово блестящие черной бронзой эгерийские серпенты с прикладами из твердого, как железо, тикала – их льют в Арнохандии и возят даже в метрополию.

Красующиеся узорами на стали амальфийские эсмерили, чьи стволы куют из витой проволоки. Тяжелые, но основательные аркебузы из мастерских Толетто.

Арбоннские «ястребы», с медными замками и дюжиной медных колец поверх ствола. Отдельно – с фитильным запалом, отдельно – с колесцовым.

Фризские мортирицы, как раз тамошним здоровякам по руке, и их более изящные сестры «лупарро» – работы медиоланских оружейников. Бьет это оружие, дай Бог, на двадцать шагов, но в abordажной схватке очень даже полезно, ибо сметает рубленой картечью атакующих с палубы.

Пистолы – от самых простых, родившихся чуть не в деревенской кузне где-нибудь в Лена-ресе, до вороненых танисских, словно вышедших из-под рук ювелира, на резных ложах из кости базилика.

Все эти грозные изделия рук человеческих в арсенале при свете пятисвечного фонаря выглядели безвредными в своих пирамидах из гладко оструганной пальмы.

Не забывал мэтр заглянуть в оба пороховых погреба, проверить, не слишком ли там сыро, не просочилась ли вода сквозь зачеканенную свинцом кладку?

Не оставлял своим вниманием он пушечное хранилище, лишний раз проверяя, чтобы железные и чугунные стволы орудий не положили вплотную к бронзовым – от чего портятся и те и другие.

Завершал Готье свой обход обычно в кладовой, где хранилась всякая незаметная, но необходимая в воинском деле мелочь.

Бухты особых «морских» фитилей, натертых пальмовым воском, чтоб не пропитывались сыростью. Трубочки вошеной бумаги для патронов. Роговые и слюдяные запальные фонарики. Короба с медными иглами для прочищения затравочных отверстий. Тут же стоял сундук с кремневыми замками от старых или сломанных ружей – хитроумные дорогие изделия ждали своей очереди на починку.

Если он находил непорядок, или же ожидалось появление гостей, офицеров с кораблей или из гарнизонов, прибывших за оружием и боеприпасами или привезших старое либо нуждавшееся в починке оружие на замену, то он оставался в арсенале до того, как заканчивал дела. Но сегодня посетителей не ожидалось, что же до неполадок, то о них уже давно забыли.

За все годы его службы никто из господ офицеров ни разу не выразил недовольства хранителем арсенала. Никто лучше него не мог высверлить «ерша» в заклепанной пиратами пушке, вынуть пулю из подмокшей аркебузы или подобрать подходящий вертлюг для фальконета или кулеврины. Никто не мог сказать, что у мэтра Готье оружие ржавеет, или не дай Элл, что он украл отпущенные ему на ремонт кровли деньги, или того хуже, что в его хозяйстве обнаружилась недостача.

Случалось ему, конечно, и пару бочонков пороха, якобы подмоченного, продавать по сходной цене капитанам «купцов», и испорченный ствол оприходовать как годящийся лишь в лом, а самому сдать оный ствол в починку, и тоже продать.

Однажды сумел продать даже не много ни мало – шесть "базилисков", дескать, совсем старые и вот-вот лопнут. Ну, так ведь не в одиночку, а поделившись деньгами с лейтенантом фрегата, с которого те сняли.

Но как бы то ни было, даже сам дон Ромегас, от которого похвалу получить не проще, чем от Хамирана благодать, и то, инспектируя хозяйство старого мастера, изрекал, крутя ус:

– Ну ты, брат, даром, что арбоннская макака, не хуже чем в главном Толеттском арсенале дело поставил! – и великодушно совал золотой ризель на выпивку.

Так что теперь с чувством исполненного долга старший оружейник гарнизона направлялся в таверну «Летучая рыба», где намеревался откусать своей любимой похлебки из креветок с майсовой лепешкой, и заест тушеными моллюсками, из которых старая Тальга, хозяйка таверны, отменно готовила колбаски. (Готье мясо почему-то недолюбливал, предпочитая блюда рыбные, а если и ел когда, то исключительно в вареном виде).

Потом, он вернется домой, где ждут его четыре дочери – утешение его старости, и добрая верная жена, которую весь квартал, включая и дам постарше, зовет с уважением «матушка Жюли», хоть и выкупил когда-то ее Жако из веселого заведения.

Так или иначе, мэтр спокойненько шел себе безлюдным переулком, уже предвкушая аппетитный запах похлебки и моллюсков, которых он непременно запьет стаканчиком душистого пальмового вина, когда на голову ему вдруг накинули мешок и чьи-то грубые руки схватили его за плечи, и куда-то поволокли.

Он услышал, как с треском захлопнулась калитка, затем его втолкнули в пыльную прохладу дома. Только тогда мешок с него сдернули, и мэтр Жиро обнаружил себя в обществе трех человек, зачем-то затащивших его в покинутый дом на окраине.

Двое – угрюмые крепкие здоровяки – эгериец и, кажется, танисец с двумя ятаганами за поясом. Третий же... А вот в третьем Готье безошибочным чутьем много повидавшего человека опознал главаря.

Среднего роста, с аккуратно постриженной черной бородкой, в облачении дворянина средней руки.

– Здравствуй, здравствуй! – доброжелательно бросил с легким танисским акцентом мэтру Жиро идальго. – Вот, решил повидаться с тобой... Помощь твоя нужна в одном деле.

Тон его очень не понравился зрителю арсенала. Ибо так преувеличенно добродушно в подобных ситуациях чаще всего говорят, когда не намерены оставлять человека в живых.

– Не имею чести знать вас, дон. И вы лучше уж отпустили бы меня... Человек я бедный, жалование маленькое, выкуп за меня платить некому... – сообщил Готье, которому явная безнадёжность положения даже прибавила сил.

– Да нет, брат, я наоборот, хочу дать тебе немножко денег.

А потом, помолчав, добавил:

– Помнишь, когда-то на одном острове, ты дал клятву верности... *кое-кому*? Пришло время ее исполнить, Сомир Носатый.

Если бы говоривший обернулся в женщину, или у него посреди разговора выросли рога, то и тогда старик не изменился бы в лице до такой степени.

Оно стало действительно неживым. Не мертвым, а именно *неживым*.

– Ты... ты... тебя *Он* послал? – справился мэтр Готье, на глазах из бодрого крепкого мужчины пожилых лет становясь стариком.

Его тусклые помутневшие глаза уставились на чернобородого.

– Да кто ты такой, чтобы Властелин Тьмы вспоминал о тебе? – не скрывая презрения, процедил Рагир, а это был имен он. – Для тебя и барон Сабади слишком важная птица.

– Так ты... ты от... Барона?! – в глазах Готье-Сомира стояли слезы ужаса.

– Тебе-то какая разница? Пусть бы я даже был любым из воскресших Пророков или последним царем Ата-Алана? – пожал пират плечами. – Главное – обещание было дано, и теперь тебе придется поработать во исполнение его.

Ар-Рагир ухмыльнулся, про себя подумав, что машинально произнес формулу связывания клятвой вызванного демона из какой-то старинной и бесполезной книги, прочитанной в юности.

– Я тридцать лет молил Эллу... – забормотал старик. – Я молил его простить...

– Ты смешон, старик, – холодно оборвал его Рагир. – Того, что сотворил ты, вполне хватит на шестнадцатый ярус вашего ада, а оттуда, опять же по вашим святым книгам, выкупить человека может лишь молитва кого-то из святых или праведников. У тебя есть знакомые праведники?

– Ты ничего не сможешь доказать, проклятый танисский волк, никого уже не осталось... – взорвался вдруг яростью старик, и онемел, растерянно схватившись за горло.

– Я не разрешал тебе говорить, Сомир, – усмехнулся Рагир. – Тем более, орать на своего хозяина. Кстати, ты ошибаешься. Сеньора дю Конс еще жива... Хотя какая это жизнь – изуродованная калека без ног? Думаю она узнает тебя. Ты ведь сначала обещал ей жизнь и спасение, если она отдастся тебе по доброй воле, а потом... Вот скажи-ка мне, зачем было рубить девушке ступни? Нет, я сам, конечно, злодей, и даже как говорят, продал душу Хамирану, закопав в землю Святое Писание. Но зачем же *так*?

И наклонившись к самому лицу пленника, прошипел, ухмыляясь:

– А подскажи-ка ты мне, старче, как пират пирату – какова будет человечина на вкус?

– Пощади... – жалобно пискнул старец. Я хотел забыть... всю, жизнь хотел забыть!

– Да знаю, ты даже жаркое поэтому не ешь, – добывая жертву, уточнил Морриганх. – А пощадить тебя – пощажу. Но не задаром, сам понимаешь...

Корсар подмигнул.

– Есть у меня мысль – избавить этот ваш гнилой городишко от лишнего добра. Вот ты мне и поможешь в этом. Элл ведь велел помогать друг другу? Ты это сделаешь, – не допускающим возражений тоном изрек Рагир. – И даже не из-за того, что иначе умрешь. А потому что... потому что ты не захочешь, чтобы кто-то еще, кроме меня знал, кто ты такой. Подумай, каково будет твоим детям узнать, что их отец людоед?! Твоя старшенькая вроде замуж собралась? За хорошего человека? Ты ведь любишь детишек – помнится, у бедного священника было их четверо, а?

– Прикончи меня... – прохрипел Готье-Сомир.

– Зачем же мне тебя убивать? – пожал плечами Рагир. – Я никогда не делаю ненужного зла. Слушай, ну зачем тебе умирать за эгерийского короля? Он ведь не так, чтобы хорошо платит тебе, да и вообще – не твой король. Твой король – Иеронимус Первый Дависто, не так ли? Ты ведь его называл королем и всерьез верил, что безмозглый матрос создаст империю и сделает тебя графом? Ты ведь хотел стать графом? – пират издевательски расхохотался.

– Ну так что ты скажешь? Или может мне сказать моим людям, чтобы они привели сюда твоих дочерей, и начали... С кого бы мне начать? – озабоченно произнес Рагир. – Если я помню вашу историю правильно, Дависто начал со старшей дочери священника...

– Ты ведь все равно убьешь и меня, и моих девочек... – прохрипел старик.

– Еще раз повторю, безмозглый старый пень, я не творю бессмысленных злодейств, – раздраженно отмахнулся Рагир. – Мне нужно золото. Впрочем, можешь отправить своих из города к тетке. В Сархьено хватит баб и без них.

При этих словах сопровождавшие его корсары хохотнули.

– Только сам не забудь остаться, а то сам понимаешь, написать письмишко здешнему судье недолго.

– Я... я сделаю все, что ты хочешь, будь ты проклят!.. – всхлипнул Жиро.

– Носатый, если кто из нас и проклят, то вряд ли я, – опять улыбнулся капитан. – Но я рад, что ты сохранил остатки мозгов. Вот, – бросил он кошель к ногам старика. – Возьми, тут перстни, браслеты с камнями... Я всегда хорошо плачу за работу своим людям, я ж не король какой-нибудь... Потом получишь еще столько же – дочкам на приданое. Пойдем, ребята...

– И еще, – вдруг развернулся к старику Рагир. – На тот случай, если ты решишь сбежать от меня... на тот свет. Я бы не советовал тебе этого делать. Во-первых, семья все равно узнает всю правду о твоём прошлом, я об этом позабочусь. Но, кроме того... Подумай, куда ты попадешь после смерти?!

* * *

За день до падения Сархьено

Было два часа до полудня, когда у задних ворот форта проявился оружейный мастер Готье с мешком инструментов за плечами, из которого торчала рукоять большого деревянного молотка.

– Стой, кто идет?! – справился чернокожий часовой, лениво преграждая дорогу протазаном.

– Неужто не узнаешь, Химено? – хрипло ответил Жиро, показывая бронзовый медальон-пропуск, выданный по личному приказу дона Хорхе Ромегаса.

– Ох, улиточник старый, ты чего-то и впрямь на себя не похож, – усмехнулся солдат. – Не заболел, случаем? Чего пришел?

– Да нет, – отводя глаза, бросил Готье. – Здоров я... что мне будет? Погреба вот хочу осмотреть, давненько не проверял.

– А чего их смотреть? – искренне пожал плечами негр, белозубо усмехаясь. – Погреба, они погреба и есть. Ну, проходи, раз тебе надо...

У кордегардии смотритель арсенала встретил капрала Херонимо, своего старого знакомого.

– Доброго дня, господин капрал, как бы мне найти дона Ордаго?

– Я за него, дружище, – сообщил капрал. – А что у тебя к нему?

– Видите ли, нужно пороховой погреб форта проверить – сезон дождей на носу...

– Ну, давай, ключ у караульного. Скажешь, я разрешил.

Он спустился в погреб по ступенькам из неровных досок. Постоял, пока глаза привыкли к тускловатому свету, идущему сверху через затянутый стеклом люк, с которого караульный услужливо сдвинул ставню, выпиленную из цельного ствола каменной сейбы.

Положил мешок на застланный досками пол, подошел зачем-то к подъемнику, подергал блок, со вздохом добавил: «Эх, надо бы канат заменить...»

Прошелся вдоль стен, осматривая неровные свинцовые листы, колупнул кое-где смоляную замазку, в паре мест прибил деревянными гвоздями свинцовую пластинку.

Грустно пробормотал: «Сыrovато все-таки... Говорил же я дону Хорхе, не годится земляной погреб со срубом строить – кирпич нужен...»

А потом вернулся к мешку и, пробормотав про себя не то молитву, не то проклятие, вытащил оттуда киянку. Затем нажал на скрытый шпенек сбоку, снял крышку... И вот уже в

руках его прямоугольный деревянный пенал, до того таившийся в гнезде аккуратно выдолбленной головки молота.

Воровато огляделся, подняв мутные очи к световому окну, затем торопливо подбежал к штабелю, и всунул коробочку между крайней бочкой и стеной. Перед этим он, как и было ему сказано, разрезал двойной ремешок, и с силой потянул его. Внутри что-то тихо щелкнуло.

Перед тем, как передать молоток и его содержимое, человек Морриганха показал, как устроена адская машинка. И Готье-Сомир не мог не признать, что на службе у этого Рагира отличный оружейник. Внутри пенала был заделанный в медную флягу пороховой заряд фунта три, и два фризский колесцовых замка, застопоренных чекай из свинцовой проволокой, с тем расчетом чтобы сила натяжения пружины порвала свинец через определенное время. А потом освобожденные замки должны будут запалить порох, которым в изобилие было засыпано пространство между зарядом и стенками пенала. А уж от него огонь проникнет в затравочные отверстия бомбы. Все это было затянuto в два слоя вощенной кожи и спрятано в ящик.

Порох не отсыреет, а два замка исключат вероятность осечки.

Взрыв должен произойти завтра вот в эти же часы.

И у лейтенанта Ордаго, и у капрала Херонимо, и у его ребят, и у черного солдата Хименро, и у его братишки, поваренка Бумбы, нет никаких шансов спастись...

Наверное, будь на месте этого демона Рагира кто другой, старый Сомир мог бы и повиниться во всем, не взирая на дочек и жену, и на то, что наверняка даже спустя столько лет его бы ждала смерть за те жуткие дела, что творил он с другими, обуянными злым духом на том проклятом острове. Тогда, может, поле смерти Элл и простил бы ему хотя бы часть грехов.

Но Жиро не мог, не мог.

Тот человек подчинил себе его полностью и безраздельно, и нарушить его волю старик-оружейник просто был не в силах.

Готье, конечно, не знал, что Ар-Рагир применил к нему свою новую магию, подчиняющую волю; точно также не знал он, что мина была придумана лично Рагиром, точнее, увидена во сне, подсказана. (Пират даже подумывал использовать в качестве запала ту увиденную в древнем свитке штучку из медного и оловянного цилиндров, залитых кислотой, соединенную с «сардамской банкой», но передумал, – неизвестно, как все повернется, а подобная вещь в случае чего может привлечь ненужное внимание).

Но Сомир знал другое, нечто боле важное.

Он теперь всецело принадлежит Тьме, и деваться некуда – даже смерть не даст ему спасения.

Схолия шестая

О КАРРАКЕ «АЙЛАНКА» И О КОРАБЛЕ-ПРИЗРАКЕ

На море, а особенно в водах Дальних Земель случается всякое. Но история карраки «Айланка» и ее кровожадной команды запомнилась даже в этих краях.

Была эта каракка самым большим кораблем что плавали под флагом арбоннской «Королевской заморской компании» – из тех отличных кораблей что в изобилии построили для плаваний через океан толковые тамошние корабелы.

Плыли на ней почти шесть сотен человек команды и пассажиров – солдаты, торговцы, переселенцы, желающие попытаться счастья в Новом Свете, и королевские чиновники – одним словом, все как обычно. Имелись и кабальные рабы, но тех водилось немного.

Было еще кое-что – судно везло почти две сотни тысяч в звонкой монете. Тогда еще король арбоннский не позволял чеканить деньги в своих владениях по ту сторону океана, и корабли возили золото с шахт Лаккины и Даргары в метрополию, чтобы отправить его обратно в виде маленьких золотых кружочков, столь любимых родом человеческим.

Наконец-то, что и оказалось роковым в судьбе этого корабля, команда его больше чем наполовину была набрана по приказу тогдашнего морского министра графа де Кольера из сидящих по тюрьмам воров и бродяг.

«Море не виселица – примет всех» – так пошутил сиятельный граф.

Вел судно капитан Жакко, один из опытейших королевских капитанов.

Вот эти-то огромные деньги и стали соблазном для Жакко. Вещь не такая, чтоб необычная, случалось, что матросы, даже вместе с капитанами, угоняли свои корабли, дабы начать промышлять пиратством. А тут и добычу искать не требовалось, она лежала в трюме!

Говорят, была еще одна причина.

Будто бы еще не старый капитан воспылил страстью к плывущей на его корабле знатной красавице Мариозе дю Конс, направлявшейся в Кадисту к жениху-офицеру.

Что неудивительно, благородная дворянка отвергла любовь простолюдина, пусть и не бедного и наделенного многими достоинствами.

Это, дескать, и свело с ума прежде безупречного служаку.

Так или иначе, мэтр Жакко задумал мятеж – дело, угодное Хамирану и видать Хамиран ему в этом помог.

Но, как известно, Хамиран тем и отличается, что обожает губить предавшихся ему.

Именно это случилось и теперь. В сообщники мэтр Жакко привлек суперкарго Иеронима Девисто – бывшего хозяина постоянного двора, помогавшего разбойникам грабить проезжих купцов, и выслужившегося из каторжников. Тот охотно согласился помочь, возможно, потому что сам искал случая распрощаться с надоевшей корабельной службой, хотя и был на хорошем счету.

Служанка Мариозы, девица Янте оказалась более покладистой, чем ее госпожа. Она стала капитанской любовницей и условилась участвовать в заговоре, за что ей обещали платья и драгоценности ее госпожи.

Жакко с Иеронимом придумали повод взбунтовать команду, а заодно и отомстить недотроге. Когда корабль заштилел, они сперва выкатили команде пару бочонков вина, а потом объявили матросам, что Мариоза – ведьма, наславшая на них безветрие. А Янте подтвердила, что сама видела, как ее госпожа ворожит на внутренностях дохлой чайки.

Матросы во главе со старшим боцманом ворвались в каюту благородной дамы, после чего выволокли на палубу, раздели донага, изнасиловали и собрались утопить, но решили оставить на потеху матросне. Вступившихся чиновников и офицеров выкинули за борт.

А когда пьяные моряки протрезвели, Девисто и Жакко сообщили им, что назад пути нет, и им остается лишь доля пиратов. Почти всех пассажиров загнали в трюм, надеясь продать их в рабство или получить выкуп.

Неизвестно точно, что там произошло, но поутру следующего дня мэтр Жакко был найден повесившимся в своей каюте.

Руководство принял Девисто, обещая команде честный раздел золота и добычи и соблазняя картинами вольготной пиратской жизни.

Но все пошло не так, как мерзавец рассчитывал.

На подходе к Изумрудному морю, они попали в шторм, а единственный штурман плавал в эти воды второй раз.

Кончилось все тем что «Айланку» выбросило на один из бесчисленных клочков суши Западной гряды, сотсоявшей из скал и голых песчаных островков, в нескольких десятках миль от берега Иннис-Тона.

* * *

«Айланка», засев на рифах, погрузилась не до конца, с нее свезли запас продовольствия. На острове имелась вода и кое-какие плодовые деревья.

В общем, продержаться можно было долго.

Первые дни прошли мирно: в устройстве жилищ, поисках воды и перевозе с обломков «Айланки» кое-какого добра.

А потом начался настоящий кошмар.

Девисто успел свезти на берег несколько дюжин бочек рому, на который и принялись налегать бунтовщики.

Учитывая, что пили они почти без закуски, неудивительно, что головорезы в бреду могли видеть и самого Морского Хозяина с его ужасным Сундуком.

Впрочем, как знать, во всяком случае, говорят, что именно владыка темных бездн нашептал бывшему образцовому служаке Девисто, что надо делать.

Он подговорил самых отпетых из уцелевших и, собрав их вокруг себя, начал устанавливать свои порядки на голом острове.

Начал с убийства лишних матросов и солдат, думая повязать кровью тех, кого вербовал в свою банду. В походы за водой, за дровами или на рыбалку назначал пару своих клевретов, испытуемого и человека, которого требовалось убить. Если новичок отказывался или не мог этого сделать, его тоже убивали, списывая все на несчастный случай.

Когда оставшиеся солдаты поняли, что происходит, они захватили шлюпку и бежали на соседний островок.

Но участь мирных переселенцев была куда как ужаснее.

Купцы, чиновники, ремесленники, женщины и дети опасности для головорезов Девисто не представляли. И он сполна этим воспользовался.

Людей убивали не торопясь, между попойками и оргиями, изобретая самые чудовищные казни. Несчастных поджаривали, резали, вешали разными способами. Женщин выпускали голыми бежать в заросли и устраивали охоту, после которой их ловили и насиловали всей командой.

Девица Янте, ставшая главной наложницей Девисто, издевалась над сломленной покорной Мариозой, заставляя себе прислуживать, и обещала, что когда хозяин прикажет ее убить, она лично сделает это, и сошьет себе башмачки из кожи бывшей госпожи.

Бунтовщики щадили лишь красоток и мальчиков, сохраняя их для разврата. Сохранили жизнь и корабельному священнику, которому даже предписали отправлять службы, хотя его

старшую дочь тоже сделали рабыней для общего пользования, а жену и трех младших дочерей после надругательств умертвили.

Хотя пассажиров было много больше, чем бандитов, они не смели оказать сопротивления и даже не решались бежать. Как потом вспоминали уцелевшие, на них действовал таинственный страх, который заставлял людей послушно верить в то, что именно их помилуют...

Лишь немногие отважились перебраться вплавь на досках и деревянных обломках на остров где устроили лагерь солдаты.

Дальше – хуже. Когда рыба и солонина надоели, убийцы додумались разнообразить стол человечинкой.

Тогда несколько десятков человек все же решилось бежать, но бандиты их выследили, после чего несчастных подвергли пыткам и вырезали поголовно...

Под конец Девисто провозгласил себя императором острова и всего Изумрудного моря, и разглагольствовал перед своими подданными, заявляя, что помогает ему де сам Морской Хозяин и отец его – Хамиран, и вот совсем скоро они покажут всем и завоюют все окрестные земли.

Причем сделан это было торжественно, с принесением настоящего оммажа Хамирану и Девисто, которых было велено титуловать не иначе как «истинный бог и его наместник на Земле»

Пленники, уже ни на что не надеясь, молили лишь о быстрой смерти. Но и ее не было – если прежде для чудовищных трапез жертв просто убивали, то теперь отрубали руки или ноги, или вырезали из тел куски плоти, заявляя, что «живое мясо» вкуснее. В своих бесчинствах они дошли до того, что, что провозгласили остров владением духа Тьмы и стали молиться Хамирану и древним демонам, устроив алтарь, где приносили в жертву детей.

Истребив большинство пассажиров, Девисто решил добраться до спасшихся солдат и затеял поход на соседний остров.

Обосновавшись там приходилось несладко. Они кое-как перебивались на рыбе и ракушках, собирали моллюсков, крабов, а также ловили ящериц и змей, мясо которых вялили на солнце. Но там были люди, что умели обращаться с оружием, не боялись смерти и привыкли стоять друг за друга.

Заметив направляющиеся к ним шлюпки и плоты, бойцы устроили засаду в прибрежных кустах. Бандитов было вдвое больше, однако они привыкли к расправам над беззащитными жертвами...

В короткой схватке палашами и алебардами было изрублено почти три десятка разбойников, а сам Девисто попал в плен, после чего оставшиеся дали деру.

Вернувшись на свой остров, они избрали «императором» некоего Лооса – бывшего атамана банды конокрадов. Срывая зло, он предал смерти еще несколько пассажиров и начал готовить второй рейд против соседей.

Но в это время к островам подошел эгерийский фрегат «Базилиск», прочесывавший эти воды в поисках пиратов.

Первыми его заметили солдаты и выслали последнюю уцелевшую у них шлюпку, чтобы предупредить команду о том, что творится на ближайшем острове.

Лоос тем временем задумал захватить судно обманом, для чего под видом потерпевших кораблекрушение послал вельбот с двадцатью своими головорезами.

Но вместо радушного приема убийц встретили дула пушек и аркебуз...

Потом «Базилиск» навел бомбарды на лагерь, высадил десант, и остальные люди Лооса капитулировали без единого выстрела.

Тут же выяснилось, что кроме солдат, из четырех сотен пассажиров «Айланки» уцелело лишь сорок. Для остальных остров стал могилой...

Следующие несколько дней капитан «Базилика», знаменитый в то время дон Гайг, занимался судом и расправой. Пиратов порол до смерти семихвостыми плетями, протаскивали под килем корабля, пока те не умирали, вешали вниз головой...

Словом, вся команда «Айланки» приказала долго жить.

(Говорят, впрочем, что несколькими разбойникам удалось сбежать и затаиться на острове).

Из двухсот тысяч золотых собрать удалось только шестьдесят. Куда подевались остальные – неведомо, хотя эгерийцы и перекопали чуть не весь островок. Позже, правда, люди из Королевской компании задавались вопросом, как это дон Гайг сумел купить по возвращению на родину шикарное поместье и построить трехэтажный особняк в Толетто, но доказать свои грязные подозрения разумеется ничем не смогли.

Уходя с острова, дон Гайг приказал поджечь остов «Айланки», чтобы пламя очистило проклятый остров.

Что же до главного злодея, Девисто, то его увезли в цепях в Геоанадакано, ибо тут речь шла не только о пиратстве и разбое, но и о поклонении хозяину Преисподней. Что поразительно, сам Девисто не пытался ничего отрицать или каяться. Напротив, на дыбе и под плетью он насмеялся над своими палачами, утверждая, что его Великий Хозяин совсем скоро придет ему на выручку, и раздавит всех его врагов, как клопов.

Это же самое он говорил инквизиторам в Геоанадакано, которых, надо отметить, появление настоящего слуги Преисподней весьма обрадовало.

Ибо им попадались все больше богохульники, да еще когда-никогда – хунганы с боккерами, кои даже и под пытками твердили, что де они добрые верующие и молятся отцу Эллу и детям его, а если и называют их не так, то лишь по темноте и глупости... А тут – настоящий беспоклонник, открыто призывающий своего властелина!

Эти же призывы он вопил с костра, даже когда пламя начало лизать его ноги. И лишь когда дым скрыл его, до собравшихся на площади Святого Вертранга, главной в Геоанадакано, донеслись жалобные вопли: «Владыка, почему ты обманул меня!» (Молвят и по-иному, что проклятия и богохульства просто внезапно смолкли, а на пепелище не нашли ни одной обгорелой косточки, словно нечестивца спалило дотла).

Но и по сей день между вахтами в тесных кубриках матросы Изумрудного Моря и других морей шепотом рассказывают ужасные истории о корабле-призраке с экипажем из мертвых злодеев, с обугленным страшным капитаном на мостике. И что за чудовищные преступления не принимает их ни земля, ни морская пучина, и обречены они до скончания веков носиться по морям, пугая встречных моряков и предрекая им несчастья.

*...Черен парус его косой.
Черен след за его кормой.
Черен путь его в сумрачном море.
На него дельфины плюют,
от него русалки бегут.
Не плаванье – черное горе.*

Глава 17

Год 3339 т Возведения Первого Храма. 28 число месяца Дайро.

За три года до основного действия.

С высоты башни колокольной монастыря святого Урхо (колокол валялся визу, сброшенный и разбитый) Рагир в раздумье созерцал город.

Множество узких улочек, небольших площадей, аркад и портиков по умбрийскому образцу, чтобы можно было укрыться от жарких лучей солнца... И даже рухнувшие здания и пожарища в глаза не так бросались.

Взятый и разграбленный, лежал перед ним Эльмано – город, считавшийся почти неприступным, сейчас лежал у него в буквальном смысле под ногами. Город, куда свозилось половина добытого в горных шахтах Эль д-Оро серебра, сплавляемого по горным рекам и Акаяле, и куда приходили суда из Архатены с разнообразными товарами.

Своим местопребыванием Рагир избрал резиденцию местной Супремы. Ее серый дворец возвышался на площади Цветов, где по торжественным дням совершались аутодафе, и был построен на деньги, выделенные лично королем Фердинандом Безумным. К нему оказался пристроен монастырь святого Урхо, который воздвигла на все накопленные деньги какая-то видная куртизанка (видно хотела, чтобы местные монахи отмолили ее грехи). Теперь тут утвердился, по выражению попов, вертеп злобы и нечестия, то есть, пиратская резиденция.

И судя по тому, что случилось, можно было подумать, что Элл в своих небесных чертогах, наконец, проснулся, разбуженный молитвами и проклятиями, и обратил внимание на жалкого смертного корсара.

* * *

Месяц назад Морриганх вышел на его завоевание от Оливковых островов, что на востоке Архипелага. Вышел во главе собранной им флотилии в семнадцать кораблей, и тысячу двести бойцов. Тут были самые разные вольные добытчики – от пикаронов на двойных каноэ, до арбоннского капера Жервье на фрегате «Ракос», о котором всякая портовая собака знала, что он капитан-лейтенант флота короля.

Запасшись пресной водой и наловив черепах, они двинулись к гавани Эльмано, куда свозили добро со всего вице-королевства Альмадено. Пролив, соединявший огромную лагуну, охранялся неприступным каменным фортом Эль-Эспада. Когда корабли входят в гавань через узкий и извилистый проход, слева их поджидают отмели и рифы, а справа – массивные бастионы с нацеленными в борт орудиями.

Форт и в самом деле был неприступен, даже не имел ворот, и попасть туда можно было лишь с помощью подъемников или по сколоченной из дуба лестнице, которая при малейшей опасности поднималась на стены.

Но как только пираты приблизились к форту, его гарнизон в панике бежал, не приняв боя и, что совсем гнусно, не предупредив горожан.

Морриганх без проблем вошел в бухту под эгерийскими флагами, и спокойно высадился на набережную, по которой гуляли ничего не подозревавшие горожане, совершая утренний променады.

Правда, наскоро сбитое войско не подчинилось дисциплине...

Тридцать пять дней продолжался грабеж и кровавая оргия. Пираты пытали пойманных купцов, лавочников, дворян, стараясь выведать, где спрятано золото, ограбили все монастыри и церкви, опустошили дома и лавки.

Они распинали свои жертвы на крестах, подвешивали за ноги, отрезали им носы и уши...

В городе на провиантских складах хранился запас рома для патрульной эскадры и гарнизона. Пираты прикончили пойло за неделю, отчего видимо проистекло всеобщее помутнение мозгов.

Они осквернили церкви, используя их, как отхожие места, пойманных на улице девиц раздевали и заставляли плясать голыми под аккомпанемент оркестров из подневольных горожан.

Сын Смерти разрешил уцелевшим монахам собрать больных и раненых обывателей в монастыре святой Катарини, но перепившиеся флибустьеры подожгли его, при этом выкрикивая, что хотят избавить несчастных от лишних страданий. Сгорело еще два квартала, так что угли пепелищ тлели с неделю, а пираты занимались мародерством на развалинах, с бранью выковыривая из обугленных человеческих костей слиточки расплавленного золота. К тому же в городе оказалось тысяча с лишним черных рабов, да не обычных, а только что привезенных из-за моря, привезенных сюда для продажи на знаменитой ярмарке «Эль Негро» и даже не заклепанных. Черт дернул молодчиков аббата Антиса выпустить их на волю. Наверное, регулярные проповеди их капитана о добротолубии и святых истинах все-таки застряли в их мозгах.

Часть невольников сразу сбежала из города, в знакомые им джунгли, кое-кто присоединился к пиратам. Но вот оставшиеся во главе с каким-то вождем и жрицей Оонга Вайбу Сар создали настоящую банду в несколько сотен душ. (Хамиран, ведь во всех наставлениях по работоторговле сказано, что всяких хунганов и маммбо лучше не покупать, да эти торгаши ведь за лишний семерик удавятся!).

Они терроризировали и грабили горожан, насиловали женщин, ни в чем не уступая пиратам... Когда за воротами Льянеро нашли алтарь, измазанный кровью и отрубленную человеческую голову, депутация горожан явилась к Рагиру и попросила за дополнительный выкуп избавить их от дикарей.

Но капитаны воспротивились. По их словам, проклятые негры сплошь воины и положат многих парней.

От всего этого Рагиру мало-помалу приходил в тихое бешенство. Он заслуженно имел репутацию человека жестокого (а каким еще, скажите на милость, может еще быть пират и черный маг?). Но при этом не понимал и не признавал бессмысленного зла.

Мало того, что бессмысленная кровь была бессмысленной, она подрывало его (ЕГО!) репутацию, и к тому же мешала работе. Вон, не далее, как третьего дня, Маноло запытал насмерть пятерых с великим трудом пойманных клириков из местной епархии – несчастные испустили дух прежде, чем рассказали, куда запрятали утварь и казну епископа.

Нет, понятное дело, что этот мисрийский еретик попов ненавидит. Рагир их тоже не любит. Но кто теперь отыщет золото?! К тому же, несмотря на все происшедшее, добыча была на удивление невелика – не на такое надеялся Рагир, начиная поход. Тогда он написал письмо губернатору Эльману, потребовав сто тысяч реэлей, или город будет сожжен, а причалы со складами – взорваны.

Но губернатор ответил, что денег у него нет, да и взрывать нечем, ибо, как знает даже он, погреба городских редутов были почти пусты.

Венцом этого стало то, что пикароны, оставленные им в форте, бросили пост и присоединились к грабителям.

И вот результат...

* * *

Рагир с тоской посмотрел туда, где в горловине залива покачивались точки, напоминавшие мелких жуков на синем стекле. Три больших и пять поменьше.

Три эгерийских галеона надежно запирали дорогу в море, а с берега их подстраховывал взятый без боя форт. Сверх того пять бригов и пинас должны были довершить дело, если кто-то все же умудрится проскочить через заслон.

О, Илбис и его сто семь хвостов! С какой охотой он бы повесил треклятых пикаронов. Семь хвостов Илбиса! Он бы их посадил на кол или сжег живьем!

Да только это уже ничего не изменит.

Тем более что то ли эгерийские лазутчики, то ли сами перепившиеся корсары подожгли склады с зерном. А рыбаки из пригородных деревень давно погрузились на лодки и спрятались среди мангровых отмелей и коралловых рифов восточного берега.

Уже не первый день в пиратские котлы идет мясо зарезанных лошадей и ослов.

А горожане, как доносят приближенные, уже ловят чаек и крыс.

И совсем скоро на грызунов и вонючих птиц-рыбоедок придется перейти уже пиратам.

Нужно уходить. Но уйти нельзя.

Сейчас пиратские вожаки собираются в трапезной разгромленного монастыря святого Ши выслушать ультиматум эгерийцев.

Вон, торчит на крыльце посланник командующего эгерийским флотом – лейтенант с наглой физиономией.

Рагир хорошо видел, что наглость – маска, под которой прячется хорошо скрываемый страх. Парламентеров обычно не убивают, но жизнь есть жизнь, а Изумрудное море есть Изумрудное море.

Да пора спускаться, народ уже собрался.

Под сапогами гулко отозвались истертые ступеньки.

– Я, лейтенант флота эгерийского монарха... – офицер хрипло закашлялся, обводя глазами собрание. – Мое имя – дон Лоар де Карлос-Мария-Лерментаро...

– Короче, хомбре, – прогудел из первых рядов Антис. – Твое длинное, как Хамиранов х...й имечко, ты мне скажешь потом, чтобы я знал, по ком мне заупокойную мессу править. Говори, с чем пришел, и убирайся: скоро обед.

– Хорошо! – не стал спорить лейтенант. – Я парламентар от генерала флота, виконта Хозе де Эспиносы, и мне приказано передать вам его послание.

Он развернул свиток, извлеченный из-за пазухи, и начал читать:

– «От имени его благоверного величества, помазанника всевысочайшего и всемогущего Элла, всегда побеждающего и никем не побежденного, короля обеих Эгерий, государя Валиссы, а также короля южных и северных морей и владыки всех островов и земель Океана, Карлоса Тринадцатого, я, его верный слуга, генерал-майор флота его благоверного величества, виконт Хозе де Эспиноса, имею сказать рекомому Рагиру, адмиралу морских разбойников...».

Пираты невольно умолкли, и сгустилось то, что сочинители дешевых пьесок и романов именуют «зловещей тишиной».

Конечно, те пираты, что постарше, и те, кто был когда-то подданным этого самого упомянутого всеу короля, знали, что такова обычная старинная формула ультиматумов.

Только вот на таком языке, как будто, эгерийцев давно отучили говорить даже с пиратами. Наоборот, даже особым шиком стало общаться тут, в водах Дальних Земель, без ритуалов и излишнего церемониала.

А Рагир про себя отметил, что в противники ему достался дурак, что само по себе хорошо.

– «По долгу службы, – продолжил офицер, – я явился, чтобы нанести творимым бесчинствам и беззакониям праведный удар, пресечь злодейские действия и бесчинства против подданных его величества короля, моего господина, вами, гнуснопрославленными злодеями твоими...».

Зловещее молчание еще более сгустилось, заставив лейтенанта на миг запнуться.

– «За свои злодеяния, – зачастил он, – вы, мерзкие пираты, подлежите наказанию – смерти. Однако если вы смиренно вернете все, что вами награблено, освободите рабов и пленников, и смиренно сложите оружие, я из-за мягкосердечия и жалости к вам не подвергну вас смертной казни...».

Речитатив оборвался сдавленным хрипом – лейтенант тщетно пытался выплюнуть изо рта гнилую грушу, которую метко запустил в него кто-то.

А с первых рядов уже поднимался глыбообразный здоровяк Маноло.

Молча он принялся развязывать узел на крепкой веревке, которую носил вместе пояса. Была у него привычка лично душить провинившихся этой самой веревкой.

– Оставь, брат, – бросил с задних рядов кто-то. – Веревка – слишком легкая смерть для щенка. Давайте сделаем из него «эгерийскую свечку» – как из моего отца...

Побледневший лейтенант, видимо, хорошо знал, что такое «эгерийская свечка», потому что уставился на Рагира а с безумной смесью надежды и ужаса во взоре.

– Отставить, ребята, – поднялся Рагир из-за кафедры. – Мы не какие-нибудь бандиты, мы пираты. Этот офицерик ничем перед нами не провинился, он только передал нам слова своего хозяина. Вот с хозяином его мы в свое время, может, и потолкуем...

Собрание вразнобой загоготало, и тот, кто услышал бы этот злобный смех и увидел налитые кровью глаза, не позавидовал бы дону Хозе.

По знаку предводителя двое матросов с «Сына Смерти» подхватили лейтенанта под руки и вытащили за двери, напутствовав дружеским пинком.

– Я скажу так, – произнес Рагир, когда страсти улеглись. – Генерал дает нам слово идальго. Но что значит слово идальго, данное таким, как мы? Чего греха таить, мы – разбойники...

Толпа ответила смехом.

– Это только про нас говорят, что слово, данное пиратом, надежнее слова, данного сенатом. А вот слово, которое дает идальго разбойнику...

– Да они, эти дворянские рыла, даже по счету норовят не заплатить!! – заорал со своего места Матьи Три, разорившийся кабатчик из Леонара, вызвав новый взрыв хохота.

– Мы бы, наверное, могли поторговаться, – как бы размышлял Морриганх вслух. – Могли бы предложить вернуть добычу за право свободного прохода...

Возмущенный гул был ему ответом.

– А я вам вот что скажу, братья, мы уйдем из Эльмано и без дозволения его превосходительства. В конце концов, разве нас не называют хозяевами морей?

– Так ведь энтэ... корабли у кабальеро, того... нешутейные... – с сомнением произнес в наступившем молчании Матьи.

– Верно, нешутейные. А мы все-таки уйдем – со всей добычей и без боя!

– Но... как??

– Очень просто, – Рагир вытащил головешку из очага, и принялся набрасывать на белой штукатурке план бухты.

– Вот с этой стороны имеется форт Меча... который так славно защищали наши доблестные союзники, – непринужденно добавил он.

Злобные взгляды на миг скрестились на вожаке пикаронов.

– Вот, это один берег, – продолжил он. – Но есть другой берег, вот вдоль него мы и пройдем.

– Рагир, – уставился на него как на сумасшедшего Антис. – Так ведь там нельзя плавать – все знают!

– Так мы и не поплывем, – рассмеялся Морриганх. – Мы просто разгрузим корабли, обогнав их до последней возможности, навьючим все добро на скотину, ну, и на пленников, а корабли протащим волоком вдоль берега по мелкой воде. Нас не достанут ни пушки галионов,

ни тем более орудия с форга. Точно так же не сможет подойти на надежный выстрел и ни одна из бригадин, чтобы не сесть на рифы. Потом мы просто вновь загрузим корабли и уйдем.

– Атаман, погоди! – поднялся тот самый пикарон. – А ты знаешь ли, что там почти три десятка миль болот и мангров?

– Знаю? – пожал маг плечами. – Ты полагаешь, дружище, что они опаснее абордажных сабель и бомбард эгерийцев?

– Не выйдет, Рагир, – заявил Матти. – План, конечно, красивый, но вот кабальеры тоже не дураки. Нас просто зажмут с моря всеми силами, когда мы выберемся из гавани.

– Не зажмут, – пожал танисец плечами.

– Это еще почему? Кто ж им помешает? – слышались голоса.

– Элл Вседержитель, – коротко ответил Рагир, при этом издевательски улыбнувшись в бороду.

* * *

– Элл Вседержитель, да помощи же верным слугам своим!!! – возопил виконт Хозе де Эспиноса, в отчаянии воздевая руки.

Вся команда галеона «Сантиссима Сангре», все четыреста тринадцать человек – от мальчишек-прислужников, до самого командира, стояла коленопреклоненная на верхней палубе и молилась о ниспослании ветра.

То же самое происходило на остальных кораблях эскадры. Молились канониры и солдаты у орудий Эль-Эспады, молился каждый из полутора тысяч с лишним человек на борту кораблей, почти поймавших мерзкого пирата Рагир в ловушку.

Да вот это проклятое «почти»... Потому что где-где, а на войне нельзя победить «почти».

Над бухтой Эльмано стоял мертвый штиль, превращавший море в ртутное зеркало, а воздух – в душный влажный кисель. Невозможный, невероятный в этих водах в это время штиль, который можно было объяснить лишь двумя причинами – либо кознями демонскими, либо гневом божьим.

А в подзорную трубу было отлично видно, как на другом берегу пираты деловито тащили волоком на длинных кантах пинассы и шлюпы, как бичами, подгоняли тяжело навьюченных ослов и мулов, и столь же тяжело нагруженных изможденных пленников.

Воистину сам Хамиран не мог бы устроить лучше! Полное безветрие не позволит ни атаковать, ни преследовать, а течения и рифы не позволят бригам пустить в ход весла.

Дон Хозе вскочил и завопил молитвы пополам с богохульствами, за которые каноник эскадры, преподобный Лоренцо, наложил бы на него суровую епитимью, если бы сам в душе не произносил почти такие же слова. Потом он опять рухнул на колени и принялся биться лбом в доски палубы.

А потом молитвы смолкли и сменились криками страха. Медленно и величаво шел к ним корабль. Корабль, силуэт которого был знаком многим в этих морях. Хищный, змееподобный силуэт дармуна.

И хотя многие офицеры и матросы эскадры знали, что гонит его к ним всего лишь течение, наливавшееся в этой гавани, но все равно сердца многих объел суеверный страх.

Вразнобой ударили пушки. Кто-то решил, что пираты выпустили против них брандер, движимый черной магией. Но «Сын Смерти» вдруг окутался дымом, затем его весь и сразу охватило пламя – и никто в тот момент не подумал о рассыпанном по палубам и трюмам порохе.

А затем он так же медленно и величаво ушел на дно. В самом глубоком месте гавани, где лот не достает дна даже на сотне сажений...

* * *

К вчеру пираты выбрались из гавани, и, не тратя время на отдых, принялись забивать трюмы суденышек добром и ставить пушки...

Измученных горожан, уже ждавших лишь смерти, отогнали прочь бранью.

И через считанные часы пиратская флотилия отошла от берега, уйдя в ночь.

Йунус, стоявший на мостике ставшего флагманом «Стилета», прежде принадлежавшего упившемуся до смерти в Эльмано Жану Барту, был погружен в думы.

И размышления его вряд ли понравились бы Рагиру. Нет, пират не задумывал измены и предательства.

Он *мозговал* о том, с кем (или с ЧЕМ) столкнула его судьба в лице атамана.

Знал, конечно, что Ар-Рагир маг, да тот и не скрывал этого. Но вот только Йунус не первый год живет на свете, и магов он тоже повидал.

Чародеи, безусловно, кое-что умели. Могли лечить недуги, какие не поддавались ни ножу, ни травам, могли отыскивать воду, рудные жилы и клады. Могли предсказывать погоду. Могли вызвать дождь над полем, хотя это было трудно. Морские маги были статьей особой. Они не могли вызвать ветер, но могли определить, где дует подходящий воздушный поток и направить к нему корабль.

Однако никто из них не мог усмирить даже легкое волнение, но зато самый заваливающий из них был в состоянии уловить надвигающийся шторм или ураган за три-четыре дня, и определить лучший курс, чтобы от него уйти.

Например, великий чародей Абу-Али Ада-Ада, придворный колдун халифа кордубского, сумел почуять надвигающийся шквал, и заманить под его удар флот неверных эгерийцев, который почти весь отправился ко дну (а халифат потерял всего три корабля).

Конечно, его атаман хоть и не морской маг, но мог почуять приближающийся штиль...

Но вот только за прошедшие четыре года Йунус изучил эти воды и знал достоверно, что перед сезоном дождей штиля не бывает *никогда*.

Выходит, что штиль не просто счастливая случайность.

Йунус невольно вспоминал глаза Рагира после его странных отлучек, когда он запирался в своих покоях и не велел себя беспокоить ни при каких обстоятельствах.

На дне его очей была самая настоящая *тьма*.

Тьма...

Тьма, что была древнее и танисских старых городов, и тех, на чьих фундаментах они воздвигнуты, и даже тех проклятых и запретных циклопических руин, которые иногда обнажает ветер великих южных пустынь.

Может быть, пришедшая из тех напрочь забытых веков, бывших еще до времен, когда в сгинувшей стране Ата-Аалан приносили жертвы духам, выпуская из пленников кровь на грубых алтарях обсидиановыми ножами.

И почему-то Йунус вспоминал то, чему был свидетелем в далекое время, когда он уже был изгоем, мятежником и беглым каторжником, но еще не стал пиратом.

Тогда он жил в глинобитном селении рыбаков на берегах закатного Шаргиба, наслаждался свободной жизнью под чистым небом, без свиста стрел и кнута надсмотрщика, и единственное, о чем мечтал, так это чтобы его жизнь так и текла до старости.

В то утро его разбудили испуганные вопли, и первое, что он увидел, пробудившись, были встревоженные глаза его любимой, Раги, только что мирно дремавшей на его плече.

Он выскочил наружу, схватив стоявшее в углу копьё.

Но вскоре выяснилось, что в селение не пожаловали ни разбойники, ни сборщики налогов.

Просто, как сообщили двое сельчан с одинаково побледневшими лицами, ночной порой волны выбросили на берег уж очень жуткое чудище.

Поспешив с прочими на пляж, Йунус уже издали заметил лежащую рядом со шлюпками пурпурно-бурую массу, напоминающую грудку спутанных веревок или корневищ.

А когда он подошел поближе, то понял – испугаться тут было от чего.

Создание это не было похоже ни на что.

Во-первых, размером оно превосходило самого большого быка, и самого здоровенного клыкача. Разве что кит или базилиск опережали его величиной.

Широкое сплюснутое тело с раскинутыми в разные стороны мясистыми крыльями-плавниками, уродливая голова, украшенная двумя хоботами, не уступающими слоновьим, и бородой из мелких извивающихся белесых щупалец, напоминавших пышный букет громадных червей.

Но самым жутким были глаза твари – огромные, размером почти с арбуз, и при этом неимоверно похожие на человеческие.

И вот сейчас Йунусу почему-то казалось, что именно так, как Рагир, могла бы смотреть, когда была живой, та жуткая тварь, подобной которой не помнили даже старики.

– О чем думаешь, дружище? – пират ощутил, как замерло сердце.

Морриганх появился, как он это любил: внезапно и бесшумно.

– Вижу, о чем-то невеселом?

– О «Сыне Смерти», – нашелся Йунус.

– Да, мне тоже жаль... Хоть и старый уже был корабль, но хорошо он нам послужил. Но мы все равно собрались его менять...

Йунус кивнул. Да, старый дармун уже и так заканчивал свою службу. Но на смену ему уже почти готов на давенхафенской верфи построенный по его образцу трехмачтовик – с килем из крепчайшего дуба и обшивкой из горного кедра, которому предстояло принять знакомое всем имя «Сын Смерти».

– Но у нас было бы два судна, хотя бы какое-то время...

– Да, – согласился капитан, и в тропической ночи его глаза чуть блеснули. – Я тоже думал об этом... И, кажется, нашел выход...

У Большого Рифа пираты поделили добычу – триста тысяч в звонкой монете, не считая прочего добра.

Купцы Изумрудного моря на известие о падении Эльмано отреагировали вполне по-купчески: подняв цены на шафран, кошениль, черное и красное дерево и рабов.

Да еще заемный процент в ссудных конторах Кадэны, Туделы и Сан-Тарона, вырос на одну десятую.

А в здании колониального управления Супремы, что на Плаза-дель-Коронадо в Геоанадакано появилось дело на «Разбойника и пирата Рагира Морриганха, в связях с преисподней подозреваемого».

Впрочем, никто бы не удивился, появившись в этом ведомстве такое же дело на самого вице-короля. Ведь именно в застенках Супремы просидел тринадцать лет примас Эгерийский – епископ Толетта преподобный Иеронимо, обвиненный в еретическом переводе святых книг и с трудом выкупленный Святым Престолом.

Глава 18

Через три месяца после вышеописанного. Остров Андайя.

Геоанадакано – самый большой город в Иннис-Тор. Так, по крайней мере, говорят эгерийцы и с ними никто не спорит. Самый первый тут, заложенный еще Вальяно и Мак-Морном, памятник которым по образцу статуй древней империи установили лет десять назад на главной площади – Плаца дель Сан-Пьедро эль Иннис, напротив собора Сан-Пьедро эль Иннис. Ворота Дальних Земель, куда стекаются товары и купцы из земель от Норгрейна до Айлана, где разгружаются эгерийские, амальфийские, ганзейские и танисские суда, а также и корабли старых соперников, арбоннцев и хойделльцев. Это не говоря о кораблях из всех гаваней материка южного и суденышек с материка северного.

Сколько в нем живет народу, точно не знает никто, даже сам суперинтендант стражи, всемогущий и грозный Херонимо де Баамондес. Одни говорят, что сорок тысяч, считая рабов, другие, что все пятьдесят, а то и семьдесят, не считая рабов.

Но зато точно известно, сколько в нем кабаков, таверн и прочих увеселительных заведений – ровно сто восемьдесят одно. И среди них самая знаменитая и самая роскошная – «Веселый иноходец» дона Мануэля Диаса.

Чего стоит одна лишь ее вывеска – здоровенная лошадь, ставшая на дыбы, держащая передними копытами большую чашу, выполненная из позолоченного олова и отделанная настоящими топазами, причем ни разу даже самый отчаянный вор, коими Гоанадокано изобиловал, даже не попытался их выковырять.

Ибо «Веселый иноходец» – не просто одна из многих портовых таверн Геоанадакано, в которых разнообразный морской люд торопится спустить звонкую монету. Великолепная кухня, отменные повара, вышколенная прислуга, отдельные кабинеты. Заведение, куда пускали не всякого капитана, что уж говорить о матросне!

Тут отирались знатные гранды и богатые купцы, офицеры и важные чиновники из канцелярий вице-короля. Советники, мажордомы, нотариусы и протонотариусы, чиновники провинций, судьи и аудиторы, казначейские и таможенные крысы... Не пренебрегало им и многочисленное духовенство – все эти аббаты и епископы со святыми братьями.

Высородные посетители могли не бояться случайных встреч или огласки своих визитов.

Но роскошная таверна с чистыми залами и белоснежными скатертями на столах была лишь фасадом. Стоило пройти в задние комнаты, да открыть двери, то там начинался темный лабиринт, тянувшийся чуть ли не на полквартала, предлагавший куда как более пикантные развлечения. Опытные и искусные в любви девушки всех рас и цветов кожи, а для тех, кто девушками не интересуются, столь же искусные и утонченные мальчики.

Любовники назначали тут свидания, и могли быть уверены в сохранении тайны. Сколько выходов и входов ведет в этот притон разврата и азартных игр, может стать, не ведал даже хозяин, дон Мануэль, хитроглазый лысый толстяк лет пятидесяти, чей титул защищал заведение от вторжения алыгвасилов портовой стражи и даже сборов инквизиции.

Но не только шикарным борделем славился «Пьяный иноходец».

Тут, в небольших чистых номерах собирался цвет Гоанадакана – крупные купцы и арматоры, капитаны и каперы, сборщики пошлин, хозяева плантаций и шахт.

Собирался, дабы обсудить свои самые тайные дела – ибо ни одно, даже самое неосторожное слово, сказанное в таверне дона Мигеля, не стало еще ни разу достоянием чужих ушей.

Тут хозяева жизни встречались с ночными хозяевами, и титулованные особы с родословными длинней, чем грот-мачта, могли без помех побеседовать с главарями портовых головорезов, именами которых добропорядочные мещане пугали детей, и многих из которых уже

вообще-то давно были публично колесованы и четвергованы на Вергийской площади (иные даже не единожды). Тут договаривались о выкупе за пленников с посланцами корсаров и торговались с людьми Миледи Ку относительно платы за безопасное плавание.

И об этом знали все, включая и дону Баамондеса, ведавшего всем уголовным, гражданским и политическим сыском в заморских владениях Эгерии.

Но, несмотря на это, «Веселый иноходец» никто не думал закрывать, и не врывалась под его своды стражники с алебардами наперевес ловить злоумышленников.

Так и стояла таверна, как своеобразное посольство изнанки Эгерийского королевства, в котором как в доме обнищавшего гранда, под позолотой скрывается труха и гниль.

Но всем этим не исчерпывались странности заведения дона Диаса.

Иногда поздними вечерами к дверям «Веселого иноходца» приходили люди с бледными сосредоточенными лицами и пустотой в глазах.

Войдя, такой посетитель совал стоявшему у дверей вышибале серебряный риэль – не больше, но и не меньше, и просил отвести его в номера, в Желтую комнату. Иногда привратник переспрашивал, уверен ли досточтимый сеньор, что ему нужна именно *та самая* Желтая комната, но чаще, молча кивнув, вел гостя в глубину заведения, открывал одну из дверей и оставлял гостя в комнате с желтыми стенами и без окон, но зато с второй дверью. Потом оставлял того наедине с его мыслями, лишь осведомляясь, что и сколько уважаемый гость будет пить и чем закусывать?

Бывало, к гостю приходила девушка из соседних номеров, и даже какая-то дама под маской, искавшая пикантных развлечений. Случалось, он просил принести трубку дурманного зелья из-за Бескрайнего океана или вызывавшую волшебные видения жвачку из сушеных кактусов Хатакамской пустыни.

Иногда, отдав должное дорогим напиткам и изысканной закуске, с прочими развлечениями посетитель в конце концов уходил через ту же дверь, что и приходил, и покидал трактир, провожаемый презрительными взглядами завсегдатаев.

Но куда чаще он выходил через вторую дверь, выводившую в гнилые закоулки Старого порта.

Наутро его труп находили альгвасилы. С ножевыми ранами в спине или пулей в голове, обобранного дочиста. После чего жертву ночных работничков хоронили, как полагалось, в освященной земле в пределах церковной ограды.

Ибо среди услуг, предоставляемых заведением дона Мануэля, была и эта, сколь необычная столь и жуткая, когда человек по каким-то причинам собиравшийся покинуть этот грешный мир, но не желавший отягощать душу напоследок еще и грехом самоубийства, получал эту помощь...

Пусть священнослужители Геоанадакано не раз уже твердили с амвонов, что, дескать, можно обмануть церковь, но нельзя обмануть Элла, но все равно новые посетители приходили в «Веселого иноходца» и просили провести их в Желтую комнату...

Тот, кто спокойным, но уверенным шагом направлялся к одному из тайных входов таверны дона Мигеля, вел себя так, как будто был ее частым завсегдатаем.

Высокий человек в плаще и шляпе. По виду, небогатый дворянин.

Подойдя, он постучал условным стуком: два удара, еще два, и три. Дверь бесшумно повернулась на отлично смазанных петлях.

Темнокожий слуга в красном колете открывавший гостям двери, замер, держа створки распахнутыми.

– Приветствую благородного дона! Чего желаете? – прозвучал подобострастный голос. – К девочкам – по лестнице, к мальчикам – направо. А ежели хотите...

– Барон Ровинда здесь? – равнодушно-хриплым голосом осведомился гость.

– Да, но он осмелюсь, он... Он ведь еще не готов, – пискнул слуга. – Осмелюсь... Дон Мануэль не одобрит, ежели прямо у него в заведении...

– Дон Мануэль не одобрит тебя, ежели придется убирать с пола твою требуху, – спокойно сообщил гость. – Он вычтет из жалования, или вообще уволит...

При прищельце не было ни шпаги, ни кинжала, но слуга, чуть посерев лицом, даже и не подумал попытаться выхватить из рукава спрятанную там именно для подобных случаев наваху, интуицией старого разбойника поняв, что прищелец не шутит. И лишь молча посторонился, пропуская невежливого *браво* в дом...

Пройдя темными затхлыми закоулками огромного здания, где из-под сапог с шуршанием разбегались трехдоймовые иннисские кукарачи, и, спугнув пару почти голых девиц, передыхавших после очередного клиента, чужак поднялся на второй этаж. Пройдясь по длинному коридору вдоль дверей, повидавших и донов, что утешались со служанками, и матросов, что утешали благородных дам и почтенных матрон, он толкнул ничем не выделавшуюся дверь, и аккуратно запер ее за собой.

В свете двух тускловатых бронзовых светильников сидевший за столиком молодой офицер казался куклой из дешевого балагана.

Кувшин перед ним был почти полон, чего нельзя было сказать о двух бутылках дорогого калернского вина, за каждую из которых амальфийские торговцы брали по тридцать золотых.

– Флаг-лейтенант Карлос де Ровинда? – справился гость, усаживаясь за стол.

– Убирайся в преисподнюю! – хрипло выкрикнул тот в ответ. – Или боишься, что я пропью твое вознаграждение? Не бойся, снимешь с меня мой фамильный перстень – с тебя хватит!

Он сунул собеседнику под нос растопыренные пальцы, на одном из которых блеснули самоцветы.

Бесцеремонно перехватив барона за запястье, вошедший несколько мгновений рассматривал украшение.

– Так, камни тусклые, золото с примесями, огранка скверная... Не больше двадцати риэлей. Не находите, что слишком дешево за идадьго в двенадцати поколениях?

– Иди ты в задницу Святому Вертрангу, – процедил Ровинда. – И в п... ду святой Карине заодно!

– Как грубо! – рассмеялся прищелец. – Впрочем, я не в обиде! Я ведь понимаю, что ты сейчас чувствуешь! Ты проигрался в карты, приятель. Ты проиграл больше, чем мог себе позволить! – сочувственно ироничная усмешка осветила лицо говорившего. – Ты выписал вексель, который нечем оплатить. Но мало того, ты захотел отыгаться и взял деньги принадлежащие королю. Полбеда, ты распотрошил судовую казну. Так еще и влез в сундуки, где хранилось жалование для гарнизонов. Вот еще было славно придумано: послать золотишко на корабле без единого канонира и всего с двумя бочонками пороха. Ну да ладно...

– Да, дон Ровинда, – фальшиво вздохнул гость. – Продуть двадцать тысяч монет за две ночи – это надо уметь. Полновесных золотых риэлей, только с монетного двора...

Он сладко причмокнул.

Лейтенант поднял на него глаза.

– Кто ты такой и зачем приперся?

– Я тот, кто может тебе помочь и приперся, чтобы помочь тебе, – последовал ответ.

– Кто ты такой?! – повторил офицер.

– Ну, если ты так хочешь это знать... – задумчиво пробормотал гость. – Ты слышал о Рагире Морриганхе? Ну, вот он перед тобой.

Лейтенант приподнялся, потрясенно взирая на Рагира.

– Ты... Ты... Так это ты все подстроил, мерзкий пират! – взвыл он. – Это ты... Из-за тебя!

Ровинда вытянул из ножен шпагу.

– Умри, презренный!

С минуту, наверное, он сидел и тупо созерцал свой клинок, забитый на треть длины лезвия в стол. Как безоружный корсар отобрал шпагу у него, ученика самого знаменитого маэстро Лилиберто, он так и не понял.

– Вам не надо так много пить, барон, – холодно произнес Рагир, даже не изменившись в лице. – Вино мутит ум. Ну, сами подумайте, если бы такие люди, как королевский нотариус да Сильва и адъютант финансов Маркозо, которые очистили ваши карманы работали бы на меня, стал бы я сейчас говорить с вами?

– Ты... откуда ты все знаешь?! – почти выкрикнул барон.

Рагир промолчал, загадочно улыбнувшись.

У барона промелькнула и пропала мысль позвать на помощь. Уж где-где, а в «Веселом иноходце» крики и вопли внимания не привлекали.

– Чего тебе надо, Хамиранов сын?! – всхлипнул Ровинда. – Пришел убить, так убей, но не глумись!

– Сын Хамираана? – вдруг улыбнулся пират. – А ты не так глуп, идальго... Но оставим это. Не буду долго говорить. Я тут подумал, что мне для моего дела очень не помешает галеон. Понимаешь, идальго? – он перешел на покровительственный тон. – У меня есть деньги, и много, но нет галеона, а у тебя нет денег, но есть отличный галеон!

– Ничего не понимаю... – встряхнул башкой эгериец.

– А чего же не понимать? Вы, барон, привели в Геоанадакано галеон «Нуэстра ля Кив-ирра», построенный три месяца назад на Карумской верфи мастером Бенито Альгарви – лучшим, какой есть в Эгерии. Длина полная сто восемьдесят футов, по килю – сто двадцать четыре, ширина – сорок, две батарейные палубы, шестьдесят пушек, крюйт-камера – медный лист и мореный дуб, боезапас – полсотни выстрелов на каждый ствол...

Три мачты, двадцать тысяч квадратных футов парусов, высота фок-мачты от киля до клотика сто пятьдесят футов...

Полная команда – четыреста тридцать семь человек, – как по писанному частил Рагир, – Но сейчас на нем не наберется и ста, потому как считается, что набрать экипаж в колониях обойдется дешевле. Вы не капитан, а всего лишь перегонщик, и должны сдать его генералу де Лунфо, чей «Архангел» наскочил полгода назад на рифы в шторм. Когда прибудет дон Лунфо? Через пять дней если я не ошибаюсь?

Ровинда угрюмо кивнул.

– Ну вот, этот галеон я и хочу купить у тебя. Я дам тебе столько, чтобы расплатиться с долгами и вернуть украденное тобой золото в сундук, и сверх того еще столько же!

– Значит, по-твоему я должен предать своего короля, грязный танисец?! – бросил барон.

– Помилуйте, кто говорит о предательстве? – ухмыльнулся Рагир. – Какая ж это измена – продать на сторону казенное добро? Или ты не знаешь, что ваши чиновники и министры крадут каждый год столько, что хватит построить, наверное, две сотни таких кораблей?. Чем ты хуже генерального казначея Арраны, или смотрителя Лигорнской таможни Иронса? Они себе уже по второму дворцу отгрохали.

Кстати, насчет грязных танисцев – мыться в банях вы научились именно от нас.

– Так вот, приятель, – внезапно сменил тон Рагир. – Завтра десяток твоих матросиков будут покалечены или прирезаны в большой пьяной драке с поножовщиной, и среди них будет ваш судовой повар. А послезавтра ты наймешь себе новых, тех, на кого укажет мой человек в твоей команде. Да, да и такой у меня есть, – кивнул он в ответ на удивленный взгляд офицера. Не сомневайся, все будут чистокровными эгерийцами, не числящимися ни в одних розыскных списках. А кок будет просто великолепен – готовить станет, как сам демон обжорства! Подумай, через пять дней ты сойдешь с «Нуэстры» на берег, и все, что случится с этим корытом, тебя уже касаться не будет. Ну так как? Подумай, барон, тебе только двадцать лет, и глупо

умирать... Тебе ведь, кажется, на следующей неделе назначила свидание графиня Гейяна де Понсо? Завидую, говорят, она сама богиня любви...

Кстати, ты, сдается, третий сын, и кроме титула у тебя ничего нет? Ведь отец Инес отказал тебе в руке своей дочери именно поэтому? А деньгами ты сможешь попытать счастья вновь... Или даже найти получше, чем эта перезрелая ургосская курица! – рассмеялся Рагир. – Ты молод, неглуп, недурен собой... Только вот денег не хватает...

И он вновь хохотнул, причем пронизательный человек уловил бы в его смехе высокомерное презрение.

– Нет, я, конечно, могу уйти, а ты – побежать доносить. Но только кто поверит болтовне проворовавшегося офицера, что к нему в столице королевских владений явился самый опасный пират Изумрудного моря? И напомни, братец, что там по военным законам короля Карлоса полагается за расхищение армейской казны? «Повинен смерти», сколько помню. А перед этим еще лишение чина, дворянства и бичевание у позорного столба?

– Будь ты проклят... – процедил барон. – Я согласен! Будь ты проклят, мерзкий пират! – повторил он.

– Вот она, людская благодарность! – рассмеялся Морриганх. – Я спасаю вора и картежника от позора и смерти, и я еще и мерзкий пират! Ну да ладно... Значит, по рукам?

– По рукам, – выдохнул лейтенант Ровинда. – Деньги вперед!

С все той же волчьей улыбкой Рагир сунул руку за пазуху и выложил перед изумленным идалго пачку украшенных печатями и подписями листов толстой разноцветной бумаги.

– Да ради Илбиса! Смотри, векселя вашей «Королевской компании Иннис-Тора». Тут ровно на сорок тысяч риэлей. Двадцать штук по две тысячи монет...

– Векселя... – озадаченно произнес лейтенант, поднося бумаги к свету.

– Да, конечно, или ты думал, что я ношу в каждом кармане по сундуку с золотом? Значит, завтра мой человек навестит тебя... Надеюсь, ты понимаешь, что обманывать меня – себе дороже?

Ровинда лишь кивнул, перебирая спасительные бумаги. Когда он поднял глаза, пирата уже не было в комнате, хотя обе двери были по-прежнему заперты изнутри.

Глава 19

Нуэва-Майдара, вице-королевство Альмадено. Еще через полгода.

– Значит, так, дон Харим. Я перерыл весь архив, поговорил со всеми старыми хранителями, хотя, признаться, и немного их осталось, послал запросы в констисторию нашего вице-королевства... По-моему, они там даже были рады – ведь тамошние эксрибано опухли от безделья, небось...

Маленький подслеповатый человечек в селадоновом колете с улыбкой подергал жиденькую бородавку.

– И, признаюсь, кое-что нашел.

Он протянул принесенный с собой мешок собеседнику – судя по виду идалго средней руки, покрой одежды которого свидетельствовал о недурном достатке, а черты лица о том, что среди его предков пребывали танисцы.

– Соболаговолите принять мой скромный труд.

– Да, вижу, что не так тут много, – кивнул дворянин, с улыбкой взвешивая тощий баул черного потертого сукна, с какими обычно ходили чиновники, судейские и нотариусы во всех нумансийских землях.

– Увы! – кивнул собеседник. – Почти ничего не нашлось. Если только запросить Геоанадакано – Генеральный архив, или тогда уже метрополию, написать сразу в Палату Государственных Бумаг... Потому как если не знают они, то больше никому. Но ведь туда так просто не подступишься, нужно составить обоснование, заверить не меньше чем у аудиенс-секретаря. И то неизвестно когда ответят. У нас и по куда как более простым делам месяцами ответов ждут, а уж...

Он махнул измазанной в чернилах ладонью. Хранитель пожал плечами.

– Хорошо, я понял ваши затруднения и оценил старания, уважаемый. Тем не менее, подумайте еще, как можно этот запрос организовать? Сами понимаете, мои коммерческие дела, – улыбка чуть тронула уголки губ идалго, – не позволяют мне тратить драгоценное время на праздные поездки. Если потребуется вознаградить чьи-то труды, то снесите со мной как обычно. А что все-таки удалось выяснить? Хранитель пожал плечами.

– Ох, сеньор кабальеро, очень немного. Ведь на полуостров и до войны Трех королей особо никто не ходил, а уж когда он стал Ничьими Землями – тем более. И карт ведь приличных нет, даже лоцию побережья толком не составили, все черновики сожгли перед вторым штурмом Вилья Фердинандо. К тому же остатки архивов вывезли в Туделу, и зачем-то спрятали в Особом Кабинете – ума не приложу, что там могло быть? Так что по сути и нет ничего – донесения патрулей, протоколы допроса контрабандистов, пикаронов... Между нами говоря, из бумаг следует что корона не очень много потеряла от Аахенского мира. Ничьи Земли – места гиблые. Правда...

Он сделал паузу, как-то странно огляделся, будто в кабинете заведения почтенного Барбуса их кто-то мог услышать.

– Ну, что там?

– Да есть еще все эти легенды, – добавил он не без колебаний.

– Это какие ж? – равнодушно (внимательный слух уловил бы, что слишком уж равнодушно) осведомился идалго.

– Да так, – отмахнулся чиновник, – глупые рассказы, хотя конечно пять пропавших экспедиций за пятнадцать лет это неспроста... Впрочем, там это написано. Я даже добыл, вы не поверите, рукописный отчет самого Тоэльо де Ролано. Хотя его на треть погрызли мыши, но тем не менее... Его записки ведь признали еретическими и прямо из типографии свезли на аутодафе... Цензора тогда сразу постригли в монахи и сослали на покаяние.

– Я, признаться, не понял, о чем идет речь, мэтр, имя это мне слышать не доводилось. Но все равно я весьма вам благодарен.

– Вот кстати о благодарности, – оживился человечек. – Я... мне, право, очень неловко просить столь достойного дона, но не мог бы он увеличить мое вознаграждение... скажем... на двести монет? Я бы не осмелился беспокоить, но обстоятельства.

– Что так? – нахмурился идадьго. Или вы наделали долгов, достопочтенный мэтр? Не ожидал от вас, неужто вы начали играть?

Он добродушно хохотнул.

– Нет, что вы, кабальеро! – замахал руками писец. – Просто, видите ли какое дело: наш аудиенс-секретарь переводится в метрополию, как он давно мечтал, и распродает имущество. И я договорился с ним о покупке одной рабыни. Весьма недурная собой, почти белая девица, домашнего воспитания, и... В общем, мне бы очень хотелось ее приобрести для себя, но дон Сколла не хочет уступить в цене. Я бы мог набрать нужную сумму, но тогда придется продать Кабирру, а та даром, что уже не юна, но я к ней привык, и она хорошо ведет дом и отменно готовит энчиладас. Вы не могли бы снизить к моему затруднению? – он умоляюще прижал ручки к груди.

– Ох, почтенный, вы, видать, думаете, что у меня в стойле имеется золотой осел, который гадит полновесными риэлями, – вздохнул его собеседник. – Ну что ж, сколько там стоит эта ваша благонравная белая девица? Вам хватит три сотни монет сверх оговоренного?

– О, не знаю, как вас благодарить... – закатил глазки коротышка.

– Тогда вот... – на стол с недопитым кувшином кокосового вина и тарелкой буррито шлепнулся объемистый кошель.

Засуетившись, собеседник идадьго стал неловко пристраивать кошель на пояс, а потом церемонно раскланялся и удалился, весь лучась радостью – небось, уже предвкушал, как потащит свежую невольницу в постель.

Глядя на коротышку, такого в сущности смешного, Рагир усмехнулся. В легендах Владыка Тьмы покупал души обещанием вечной молодости, короны, спасения от верной смерти или даже власти над миром. Это жалкое создание было закуплено на корню со всеми потрохами и мелкой душонкой за малую толику презренного металла.

Как там в святых книгах фаранджийской веры: «Приобретай друзей богатством неправедным».

А ведь мэтр искренне боготворит его, торговца из разорившихся дворян дона Харима, и где ему догадываться о том, в честь кого он взял себе это имя? Точно так же как и о том, что Рагир отлично знает, кто такой де Ролано, и о том, что за его записками он даже отряжал человека в метрополию, в то время, как они ждали его тут.

Впрочем, это не вина этого уже не первой молодости некрасивого человечка с ранней плешью и врожденной хромотой, выучившегося на медные гроши отца – полунищего книго-торговца. Он когда-то отправился в колонии за богатством, но вот никакого богатства не стяжал, без взяток и протекций сумев пристроиться лишь на жалкое жалование архивариуса. А что, скажите на милость, воровать в архиве? Так бы и прожил до старости, не имея ничего, кроме съемного угла в бедном квартале да изредка – продажных ласк не самых лучших шлюх. Рагир дал ему денег и на покупку должности королевского нотариуса, (а перед этим еще пришлось прирезать его начальника, освобождая место), на домишко, на рабынь...

В сущности для архивариуса он стал богом, если не больше. Ибо никакой бог не мог бы ему всего этого дать, а вот он, маг и пират Ар-Рагир, Сын Смерти – дал.

– Он нам еще нужен, капитан? – неслышной тенью появился в дверях Корр. – Может, его от греха подальше...

Он выразительно провел ладонью по небритой шее.

– Зачем? – пожал плечами Рагир. – Ты ведь знаешь, дружище, я никогда не убиваю просто так. Если хочешь, допей вино и пошли...

Значит, Тудела, думал он, шагая по спускавшейся к морю улице. Ну, тем более есть резон навестить этот город.

Глава 20

3339 год от Возведения Первого Храма 14 число месяца Альтос.

Ничьи Земли. За два года до основного действия.

Капитан, а может быть... Может быть и в самом деле нам не надо было это затевать?

Рагир покачал головой.

Нет, Корн, я не отступлю – поздно. Мне нужно взять Туделу и по другому быть не может.

– Но, мой лорд, мы ведь и так уже богаты...

Не в золоте дело...

Корн-ок-Рани нерешительно помолчал, а его глаза по прежнему отражали глубокое сомнение.

– Друг мой, – Рагир усмехнулся. Ты со мной уже пятый год – и разве ты пожалел хоть раз об этом? Послужи мне хорошо, Корн-ок-Рани, и, быть может, в один прекрасный день ты будешь вознагражден так, как не можешь вообразить! И глаза Рагира – Корн мог бы поклясться – на мгновение блеснули отсветом дальних костров Преисподней.

Корн ощутил как в глубине его неробкой души моряка, пирата и офицера, вдруг шевельнулся неподдельный ужас. Словно перед ним стоял не сам Рагир – человек конечно суровый и жестокий, но некий жуткий призрак.

Но отступить было действительно поздно.

На стоянку у безымянного атолла в Наветренной гряде Архипелага, со всего Изумрудного моряк Рагиру у три месяца прибывали флибустьеры: хойделлыцы, арбоннцы, фризцы, отщепенцы – эгерийцы, танисцы, мелкие вольные капитаны из лабиринта островков и бухточек.

На клич и обещание добычи собрались самые солидные люди из числа «вольных добытчиков». Был тут капитан Балом, пришедший под своим флагом – красным с белыми и зелеными лентами; Соук под черным флагом с желтыми полосами, Пит Хасс, плававший под синим штандартом, Эдмон – Камбала на чьем желтом флаге была вышита обнаженная красotka с мечом в руке. Его старый знакомы Святоша Антис, аббат-расстрига после каждого успешного грабежа возносивший благодарственную молитву Эллу с пушечного лафета – все люди известные и уважаемые.

Даже хитрая и мнящая всерьез себя королевой Великого Моря миледи Ку прислала четыре пинасы под командой своих "пасынков" – двух крепких мулатов не первой молодости.

Но вот наконец флот собран. Три десятка кораблей, нагруженных провиантом, порохом и ядрами. Две тысячи готовых на все головорезов горели желанием скорее выйти в поход.

Как шутил Йунус, теперь Рагир может вполне поднять на "Разящем Громе" сине-белый вымпел таиф-реиса, или даже амир-аль-бахра – но Рагир со смехом отнекивался. Ссорится с главой пиратов соплеменников – таиф-реисом Иманом он не собирался – пока...

Во всей этой многоязычной разношерстной толпе только Йустус, Корр-о Данн и сам Рагир Морриганх точно знали, что именно предстоит им. Никому не было известно, куда они поплывут и с кем будут драться.

Людей привлекло имя Морриганха, и его обещание неисчислимой добычи.

И Тудела если и упоминалась, то с недоверчивым смешком.

То говорили об атаке Казначейского флота, то – об охоте на лимасский транспорт, то о походе на Северный материк, а некоторые предполагали что Рагир хочет пойти по стопам знаменитого Хейга, и растряссти города Золотого Ожерелья.

Так шли разговоры, а Рагир не торопился.

Кто-то ушел, но большинство осталось.

Лишь когда корабли были проконопачены, окренгованы, днища их очищены от ракушек, все паруса починены, пушки начищены и проверены, а трюмы загружены вяленой рыбой и черепахами, только тогда Рагир Морриганх созвал своих капитанов, чтобы подписать консорт.

Они собрались в адмиральской каюте – тридцать капитанов, приведших свои корабли на место встречи.

Каюта в панелях из темного дуба, со стенами, чуть закругленными кверху, походила на парадную гостиную. Потолок пересекали мощные балки, увитые резными лозами с изящными листьями.

Капитан Морриганх сидел за широким столом с резными ножками в форме львов, а вокруг него на табуретах расселись командиры его флота. Святоша Антис, аббат-расстрига после каждого успешного грабежа возносивший благодарственную молитву с пушечного лафета. Был там и Эстебано Серый Кот – почти старик, согбенный, но еще крепкий, со стальным крюком на месте левой кисти. Хольберт-Фриз, и Тенья, и Марун-Танисская Лиса...

Все люди известные и уважаемые.

– Кхе-кхе, – прокашлялся капитан Балом и решил взять быка за рога. – Итак, адмирал, ты, наконец, скажешь нам, зачем мы, Хамиран подери, здесь собрались?!

Рагир кивнул и просто молвил:

– Мы отправляемся брать Туделу.

Воцарилось долгое молчание.

– Побойся Элла, Рагир! – опомнившись первым, заверещал Антис. – Туделу?! А почему сразу не Сеговезу? Или не Толетто?

– Ты сошел с ума? – возопил один из мулатов Миледи Ку.

Остальные дружно вторили ему:

– У них шестьдесят сорокафунтовых стволов!

– Взять Туделские форты? Ха!

Маг молча наблюдал за происходящим, и его внимательный взгляд медленно скользил по лицам, как бы взвешивая, чья возьмет. Он благоразумно дал всем высказаться, и постепенно шум стал стихать.

И тогда, улыбнувшись, Рагир изрек с нарочитым недоумением:

– Что случилось, ребята? Я созвал сюда вольных капитанов, а теперь думаю, может, вместо себя вы прислали каких-то трусливых скопцов? Скажите на милость, опасное дело?! И поопаснее бывало! И потом... Чем меньше людей, тем больше добычи достанется каждому!

Почему-то эти негромко сказанные слова утихомирили сборище.

– Так-то оно так... – сказал Сокис. – Но ведь и впрямь опасно, очень опасно... Хотя и куш поистине велик, – добавил он.

– Золото? Так они там по ним гуляют. Я слышал, что один кузнец-силач как-то унес слиток, и никто не хватился...

– Но лес непроходим. Да и форты...

– А что об этом думает Эстебано Однорукий?..

Взоры обратились к Серому Коту, оставившему свою руку на галерах эгерийского короля, вместе с цепью, намертво склепанной на его запястье.

– Ну, я не был там, – хрипло бросил эгериец, – но уже в дни моей юности говорили, что Тудела – чудесный город...

* * *

Тудела была и в самом деле чудесным городом – могущественным, процветающим – и по праву носила название Золотой Сундук.

Город этот собирал все сокровища западного Вице королевства Эль-Керру, был построен Эгерцами почти полтора века тому, для защиты своих караванов, перевозящих сокровища из Инисса в Эгерию – после того как лорд Хейт прошелся по побережью Бескрайнего океана огнем и мечом. Красивый город защищала мощная крепость и многочисленные форты, под прицелом пушек которых находилась также бухта, где эгерийские корабли могли спокойно и безопасно разгрузиться.

Тудела бал красивейшим городом Дальних Земель. Не самой большой, но уж точно самой богатый и видимо – самой красивой. Место политических интриг и романтических приключений. По центральной улице города, Лас-Коронас, проходили отряды солдат, чинно прогуливались прекрасные сеньоры. Город был полон беглых рабов, искателей приключений, монахов и купцов. В городе был построен первый в Дальних Землях кафедральный собор Эллы, первый суд и первая школа.

Отсюда отправлялись в поисках сокровищ и неведомых стран все знаменитые покорители этой земли – немного их вернулось из мрачной селвы и диких песков Аль-Атамы.

Никакое другое селение во всем Дальних Землях не могло сравниться с ней ни красотой, ни богатством. Губернаторский дворец и построенные из кедра дома были обставлены вычурно и роскошно – мебель и предметы искусства специально выписывались из Арбонны, Эгерии и Амальфии.

Церкви, кафедральный собор Анахиты и восемь монастырей кичились изобилием драгоценной утвари.

Склады ломились от золотых штабелей, ожидавших каравана в Эгерию. Иногда на улицах складывались поленницы серебряных слитков, не уместившихся на складе. Впрочем, тяжесть надежно предохраняла их от воров.

А городок тем временем вырос и оделся великолепием. Богатства употреблялись на постройку тысяч роскошных домов с красными крышами и небольшими внутренними дворами, где росли редкостные цветы.

Купцы прятали в свои сундуки драгоценные камни и золотые слитки строили дома из кедра, крытые розовой черепицей. Своих женщин они рядили в заморские шелка, а на улицах каждого сопровождала огромная свита дворовых и рабов.

В городе обосновалась компания амальфийских работаровцев, которые построили огромный сарай для своего товара. Там в расположенных ярусами клетках сидели вперемешку белые и темнокожие невольники пока их не выводили на свет, и покупатели, хорошенько ошупав каждого, и рьяно поторговавшись не ставили на купленной двуногой скотине свое тавро и не вводили клейменные караваны по всем трем дорогам ведущим из города.

Две тысячи великолепных домов из кедра располагались вдоль главных улиц, а дальше стояли более скромные жилища приказчиков, королевских нотариусов с со стряпчими и офицеров. По вечерам жители города прогуливались под музыку вывезенного из Толета оркестра в сотню музыкантов.

По окраинам теснились бесчисленные крытые листьями хижины рабов, кабальных и вольноотпущенников.

Именно в Туделе в ожидании очередного каравана судов хранились дары здешней земли. В назначенное время быки и мулы отвозили их на восточный берег перешейка, а там ее грузили на корабли в бухте Аргис.

Купеческая аристократия города была весьма надменной – и имела для этого все основания. Ведь по большому счету Тудела содержала Эгерийское королевство, оплачивала новые дворцы короля и войны, которые он вел.

И еще – ни разу пираты не пытались захватить этот город – как деловые люди вольные добытчики избегали бессмысленных затей.

Город слыл неприступным. С одной стороны его оберегали горы, а с трех – крепкие стены джунгли и болота, которые с приближением опасности.

К тому же вражеской армии пришлось бы прорубить себе путь сквозь густые леса, пробраться по узким горным проходам, которые с успехом мог бы оборонять даже небольшой отряд. Так какому здравомыслящему военачальнику взбрело бы в голову напасть на Туделу? А потому, когда Эльмано и Наур-Иксу, и Сархьенно становились добычей корсаров, здешние купцы только пожимали плечами и возвращались к своим обычным делам.

Разумеется, весьма досадно, нет, даже очень печально, что их соотечественников постигла такая беда и они лишились всего своего добра, но чего еще им было ждать? Города – то их стояли не на том берегу! Тудела могла жалеть их, но тревожиться? Элл добр, а дела идут...

Если им в душу и закрадывалась мысль о нападении врагов, она тут же исчезала, стоило вспомнить бравую посадку дона Хорхе Ромегаса – военного коменданта. Он ведь кавалер ордена Меча и Солнца а его дают за десять выигранных сражений.

Так счастливо они и жили в Туделе: с наступлением жары уезжали в загородные поместья, а с наступлением сезона дождей возвращались в город на балы и ассамблеи. Именно такой была Тудела, когда Рагир Морриганх задумал вскрыть этот сундук с сокровищами.

...Потом, задним числом, и историки позднейших веков, и чиновники, ведущие расследование по делу «О дерзейшем нападении на королевские владения нечестивого разбойника Рагира» отметили то, что не было известно публике, но что сам Сын Смерти видимо знал.

Про то, что крепость ни разу не чинилась всерьез с тех самых пор, как была построена, хотя казна истратила на это столько денег, что королевский двор в Толетте вопрошал, уж не из золота ли складывали их строители.

Что железные пушки ржавеют в тропической сырости, если за ними не ухаживать – а за ними не ухаживали. Что пороху у защитников немного и учения со стрельбой гарнизон проводил хорошо если раз в год. Что из четырех тысяч гарнизона на самом деле и двух с половиной не наберется.

Но пока Тудельские купцы лишь пожимали плечами. Рагир?? Помилуйте – а королевские солдаты на что? Им ведь платят за это. Не платят? Не наше дело! И вообще – пусть губернатор об этом думает! Самые отборные войска караулили королевские кладовые, казармы с рабами и конюшни с тысячами мулов. Когда до города дошли слухи, что на них идет ужасный Рагир Морриганх, все восприняли это как забавную выдумку хотя недобрые вести ползли со всех сторон.

И вот сойдя на берег в бухте Аргисс, где даже не было крепости – а лишь причалы и земляные редуты, которые во время погрузки занимали конвойные, а все остальное время стояли пустые, пираты сошли с кораблей и двинулись в джунгли.

Из еды – лишь то что можно унести с собой – а путь предстоял нелегкий и долгий.

Но они быстро шли вперед – и в немалой степени и потому, что на них еще действовал пример капитана Морриганха. С самого начала он вел их, шагая во главе своего измученного войска. Вперед к Туделе!

Многих била лихорадка, от которой не помогала ни кора хинды, ни ром с порохом – которым корсары лечились от всех болезней. Но они упрямо шли вперед – Морриганх не мог потерпеть неудачи, потому что еще никогда не терпел неудач.

Часами пробирались они по укромным, еле заметным тропам через заросли диких сахарных деревьев и мангров, огибая перевитые лианами огромные вязы, чьи кроны возносились так высоко к небу, что казалось – упирались в него. Они мокли под нескончаемыми струями тропического дождя – а когда он кончился, джунгли расцвели вдруг миллионами маленьких бриллиантов – то дождевые капли заблестали всеми цветами радуги на широких листьях папоротников и толстых канатах лиан.

Маленькие обитатели джунглей суматошно порскали у них из-под ног, обезьянки поругивали их с веток визгливыми голосами, а тропические попугаи самых невообразимых расцветок громко хлопали крыльями в кронах деревьев и роняли откуда-то сверху ореховую шелуху.

Они шли широкой лесной тропой, с обеих сторон окруженной стеной яркой зелени, прочное основание которой составляли деревья, переплетенные ползучими и выющимися растениями, кустами, лианами и растениями-паразитами так, что внутрь не могло проникнуть ни одно существо, кроме змей.

Флибустьеры продолжали быстро идти, бесстрашно пролезая через кусты, продираясь сквозь лианы и обходя огромные корни, образовывавшие запутанные лабиринты.

Их не останавливали упавшие от старости или поваленные молнией деревья.

Флибустьера продолжали углубляться в чащу, не забывая о необходимых предосторожностях, так как, помимо людей, им приходилось еще страшиться обитателей джунглей: кровожадных ягуаров, ужасных муравьев марабунта, ядовитых змей, сколопендр, исполинских кайманов что иногда забредают в джунгли поохотиться...

Ногчами они ложились прямо на траву, накрывшись гигантскими листьями папоротника, подложив свои камзолы и плащи под голову – засыпали тяжелым сном, пока день медленно угасал.

Монотонное потрескивание цикад иногда перемежалось уханьем ночных птиц, а иногда вдруг где-то совсем рядом громко хрустела ветка под лапами осторожных зверей, которые только по ночам выходили из своих укрытий в поисках добычи...

А утром поднимались, и двигались дальше подкрепившись горстью орехов или ломтем вяленого мяса. Корсары ели обезьян и сырой дикий маис, ловили змей и лягушек, от одного вида которых кое-у кого начиналась тошнота. Однажды убили каймана, но зверь оказался старым, и от мяса так разлило мускусным духом, что их тут же вывернуло наизнанку. В другой раз подстрелили и съели ягуара, зажарив на вертеле, несмотря на гнусный вкус. При этом даже находили в себе силы шутить, что раз ягуару позволено есть людишек, людям тем более можно кушать ягуарятину.

Местность вокруг стала постепенно меняться – непроходимые джунгли уступали место холмистым, слегка заболоченным землям, гигантские деревья – низким, ползучим кустарникам с колючими ветвями, усыпанные огромными белыми цветами. Соцветия издавали сладковатый аромат, слегка пьянящий и какой-то усыпляющий – и огромные бабочки самых причудливых расцветок вились над ними, словно исполняя необычный танец.

Четыре дня пробивалась колонна пиратов сквозь лесные дебри, а на третий, когда солнце стояло уже высоко в небе, раздался радостный крик разведчиков. Они вышли на опушку леса. Перед ними расстилалась бескрайняя долина, за которой на горизонте виднелась морская синь, а вдаль маячили первые городские строения. Выбравшись из леса на равнину перед городом, оборванные и измученные флибустьеры увидели Туделу, купающуюся в золотом сиянии солнца. И каждый невольно подумал что ему почудился этот белый город.

В предрассветной мгле пиратские разведчики уже рыскали по равнине, как волки – оборотни. Они подобрались к самым стенам города и даже успели пересчитать солдат перед закрытыми воротами, пока выстрелы с башен не отогнали пиратов.

* * *

А на ранней заре пиратский лагерь взорвался стрельбой и криками – изрядная часть капитанов и их команд подняла бунт.

Толпа расшвыряла людей Рагира и явилась к его палатке.

Они вопили и орали, обвиняя Морриганха во всех смертных грехах, что он привел их сюда на гибель, что им не взять город, а на обратную дорогу нет провианта.

Мало помалу все воинство собралось вокруг стоящего на возвышении Рагира. Они ревели, как быки, перекрикивая друг друга, а он молчал, и вот, наконец, гвалт мало-помалу утих, а самые нахальные сорвали себе глотки.

И тогда предводитель пиратов начал:

– Я не понимаю вас! Вы сами согласились идти на Туделу, зная, что предстоит вовсе не легкая прогулка! И вот теперь у самого порога победы вы готовы струсить и повернуть? Отлично – уходите! Пять или шесть дней пути отделяют вас от кораблей. У нас припасов на один день, так что вам будет очень трудно добраться до берега, коль вы вздумаете обратиться в бегство.

Да, я знаю, дело предстоит жаркое! Город охраняет три тысячи солдат, и это не деревенские мужики и не вчерашние воры, которым раздали аркебузы и пики, и погнали в бой. Нас почти втрое меньше. Но вспомните, мы с вами брали неприступные города и вытрясали из них золото, как орех из скорлупы. Я обещал вам Эльмано – вы ограбили Эльмано! Я обещал вам Сархьено – и вы взяли его! Я обещал вам золото и серебро!! И кто скажет, что не имел его!

Так вот, я обещаю вам Туделу!!!

Вы можете повернуть и уйти – и, возможно, доберетесь до берега, кормясь травой и червяками. А можете уже через несколько часов жрать вкуснейшее мясо и запивать его добрым вином, обжираться блюдами, которые приготовят для вас повара всяких донов и сеньоров, и тискать их жен и дочерей! А потом – завалить их прямо на шелковых простынях их патио!

– Да!!! – взревел Рагир, вздев сжатые кулаки, да так громко, что все собравшиеся окаменели на миг. – Вы будете сношать этих утонченных гордых сучек, и они будут ублажать вас не хуже любой шлюхи! Это говорю вам я, Рагир, которого зовут Сыном Смерти! В городе столько золота и драгоценных камней, что немисливо сосчитать. Если мы одержим победу, все вы до единого станете богачами. Вот перед вами Золотой Сундук. Побежите ли вы? Многие сложат сегодня головы на поле брани, но... Чем меньше нас будет, тем больше придется добычи на каждого оставшегося.

И в этот миг толпа вдруг ощутила себя единым целым и проняла – все так и будет, и нечего бояться! Он обещал, и он выполнит. Ведь для Сына Смерти нет ничего невозможного!

Раздались хриплые крики одобрения. Пикароны били себя по ляжкам и закатывали глаза.

Пираты рвали на груди лохмотья. Беглые солдаты палили в воздух.

А за спинами радостной толпы уже волокли в кусты трех наскоро прирезанных главарей угасшего бунта.

Тем временем Рагир вызвал к себе Эрреру.

Тот вскоре явился – бородатый, в разваливающихся сапогах и драных штанах, полуголый, на мускулистом торсе перекрещивались две бархатные синие перевязи, с саблей и дагой. Ничего от эгерийского офицера, который робко напросился всего несколько лет назад на службу к грозному пирату, в нем не осталось.

– Приятель, – осведомился капитан. – Тут гарнизоном командует твой старый знакомый Ромегас...

– Грязная козложопая свинья! – с чувством выразился бывший лейтенант.

– Это ясно. Но скажи-ка ты мне лучше, он что-то понимает в своем деле или нет?

– Он, вроде, шесть лет отвоевал в Фрисландии, – ответил Эррера. – Хотя вообще-то он все больше по дворцам да балам, но все же в делах побывал – орден Меча и Солнца пока еще задаром не дают. Извиняюсь, мой генерал, – Эррера так и не избавился от кое-каких офицерских привычек, – но больше ничего и не вспомню. Он ведь нас, пехотинцев, презирал. Кавалерист, у его коня ума побольше! Его послушать, так стрелки вовсе не нужны, а кавалерия выиграет любую битву!

– Кавалерия? – переспросил Рагир. – Любопытно... Вот, значит, как? Ну, хорошо...

Через два часа пираты двинулись на равнину, как черная туча.

Дон Хорхе де Ромегас, комендадор Туделы выстроил своих пехотинцев как и полагалось – в шесть каре, по две терции – пикинерской и аркебузирской.

Эгерийские солдаты в ярких мундирах стояли в боевом порядке у городских стен, впереди гарцевали на разгоряченных конях кавалеристы. Да не какие-нибудь – кирасиры верхом на могучих конях, закованные в броню, заранее наставлявшие длинные пики.

Ромегас внимательно изучал пиратов. Нестройная толпа в пять-шесть шеренг и впереди – пара сотен самых лучших стрелков. Именно так разбойники обычно и действовали – первый залп по офицерам и унтерам, а потом – атака на фланг, сближение бегом и расстрел солдат короны. Тех, как и положено, учили вести залповую стрельбу, а не прицельную. Но вот только сейчас им придется иметь дело с кавалерией.

Тем временем пиратский передовой отряд выдвинулся довольно далеко, а потом пираты встали, как вкопанные, по пояс в высокой траве, ожидая атаки. Вот закурились над ними дымки фитилей. На флангах уставились на эгерийцев две мелких пушечки на самодельных, вырубленных только что лафетах – бесполезное оружие при таком раскладе.

Начальник гарнизона оглядел нестройную толпу пиратов с безразличным презрением и взмахом надушенного платочка дал сигнал атаковать.

На равнину вылетела эгерийская кавалерия и понеслась вперед под гром барабанов прямо на пиратов.

Триста шагов, двести...

Передовые стрелки дали залп, но как-то вразнобой и неуклюже.

Дюжины две конных вылетели из седел под копыта, но на этом все и кончилось.

Пираты-застрельщики принялись торопливо перезаряжать ружья, в основном построенные кое-кто опустил на одно колено, пристраивая серпенты и «скорпионы» на самодельные сошки.

А потом передовой отряд вдруг дрогнул, и откатился назад. Кто-то вразнобой разрядил ружья в атакующую конницу, но основная масса просто ринулась прочь, смешавшись с товарищами. Конница же была уже в какой-то сотне футов.

Ромегас радостно взревел, чуть не спрыгнув с седла, – мерзкие пираты трусили при виде непобедимой эгерийской кавалерии, наводившей ужас на любого противника – от таких же всадников неверных, до угрюмых копейщиков-горцев Штралштанга.

Вот атакующие конники заслонили пиратов...

И в этот момент земля под копытами брызнула дымом и пламенем взрывов. Тела людей и лошадей взлетели вверх, подброшенные взрывами – и в считанные мгновения кавалерия Туделы превратилась в бесформенные груды человеческого и конского мяса.

Дон Хорхе ошеломленно уставился на хаотическое нагромождение искалеченных, извивающихся тел...

Рагир довольно улыбнулся, пригладив бородку.

Его затея удалась вполне.

Глупый индеек попался в ловушку, иначе и быть не могло. Ведь вся стрельба передового отряда имела главную цель – замаскировать дымки фитилей спрятанных в зарослях бомб и гранат. Не один час они с Эррерой и Старым Сидром тщательно рассчитывали длину фитилей, перемножая скорость их горения на скорость атакующей кавалерии – и расчеты не подвели.

Эгерийский штаб впал в смятение. Алые и золотые мундиры металась из стороны в сторону. Каждый офицер выкрикивал приказы во всю силу своего голоса. Оставшиеся конники развернули лошадей, а те, учуяв кровь, повернулись и в панике ринулись назад, туда, где стояли эгерийцы. И следом бросились в атаку корсары, вооруженные до зубов, увешанные пистолетами, ножами, саблями, пиками и даже гарпунами.

Всклокоченные головы и бороды, горящие яростью глаза...

А лучшие стрелки корсаров продолжали аккуратно выбирать цели и били без промаха.

Остатки конницы смяли ставшую вмиг рыхлой эгерийскую пехоту, и дон Ромегас первым повернул своего скакуна прочь.

Корсары ворвались в бреши, оставленные кавалерией, и погнали отделенных друг от друга защитников города вправо и влево.

Не прошло и нескольких часов, а все было кончено.

Золотой Сундук Эгерии лежал перед Рагиром Морриганхом, никем не обороняемый.

...Никто из охваченных дикой паникой горожан и не думал защищаться.

Очумевшие обыватели прыгали с причалов в лодки и пинассы, брали штурмом барки и каракки, толкались и орали. Дело доходило до стрельбы и поножовщины. Всем хотелось поскорее убраться подальше.

Первым подняла паруса и вышла в море каракка губернатора, вторым – церковный галеон, на который забыли взять дряхлых и увечных священников и монахов из приюта при монастыре святой Карины, но зато ухитрились погрузить недавно привезенный из Ланада алтарь из чистого золота в пятнадцать тысяч фунтов веса – дар тамошних владельцев рудников. (Впрочем, с той поры бесценную вещь никто не видел, и вообще, как было сообщено во всех отчетах, ее похитил все тот же безбожный греховодник Рагир).

Беглецы успели запереть городские ворота, но они задержали пиратов ровно на пять минут, пока на прямую наводку не вытащили полдюжины самодельных пушек из стволов квед-рахо, укрепленных железными обручами. Эти страшилища пираты сделали за ночь, срубив деревья тут же и пропалив каналы стволов с помощью раскаленных в костре ядер, коими и зарядили пушки.

Ядер этих корсары притащили с собой всего десяток, но после первого же залпа створки, сбитые из толстых, но все же деревянных брусьев, были разбиты в щепки, несмотря даже на то, что одна пушка все-таки лопнула, убив и покалечив пяток пиратов.

Ревущая толпа вломилась в ворота и повалила вперед по широкой улице Святой Карины.

На каждом перекрестке часть сворачивала в боковые переулки, словно река потекла по своим притокам. У каждого богатого дома от общего потока отделялось несколько человек.

Удары в дверь, рухнувшие створки. Нападающие протискивались в проем... А затем крики, отчаянные вопли, женский визг и довольное ржание разбойников...

Днем вспыхнул пожар. Огромные языки пламени взметнулись к небу.

Занялась улица, квартал, и запылала половина города.

Кое-где пираты вместе с горожанами тушили склады и патио.

К Рагиру, занявшему городскую аудиенцию, начали сбегаться взмыленные подчиненные.

– Мы тут жить не собираемся, – бросил он в ответ на их вопросы о том, что делать в сложившейся ситуации. – Тушить не мешайте, впрочем, как знаете. Золото не горит, а тяжелые слитки нетрудно выкопать из легкого пепла. Только смотрите, чтобы не сгорел этот дворец – в нем мы будем собирать добычу. Кстати, постарайтесь наловить побольше чиновников. Не все же они сбежали. У меня есть о чем с ними потолковать...

После чего зачем-то направился в архив, предоставив слегка ошарашенным, но тем не менее довольным пиратам собирать со взятого на пику города дань золотом и кровью.

* * *

Тем временем в паре сотен футов от аудиенции, во дворе казнохранилища, происходило следующее.

Высокий эгериец, одетый в изысканный черный костюм, встретил захватчиков с ключами на бронзовом блюде.

– Ты кто?! – рявкнул Йунус. – Где ваш губернатор?!

Эгериец, выпучив глаза, остолбенело глядел на пирата, лишь молча протягивая ключи.

– Я младший нотариус Героно Аяла, – пропищал он. – Тут кроме меня никого нет из живых, все сбежали...

– Что, обделался? – грубо спросил Эррера. – Ну, и Змей-Шагор с тобой, да и со всеми вами заодно! Показывай, где тут у вас золото! Веди в главное хранилище!

И выразительно помахал палашом в дюйме от носа младшего нотариуса.

Впрочем, похоже, зрелище злобных заросших физиономий и смертоносной стали выбило из чиновника последние остатки здравого смысла.

– Я спрашиваю, где ваша проклятая казна? – ревел Эррера. – Где вы храните то, что украли у меня и других честных ребят, дохнувших в этих поганых краях?! Ты что, оглох? Или думаешь, мы прошли сорок миль по проклятой сельве, чтобы любоваться твоей харей?! Говори быстрее, а то охолощу как паршивого кота!

– Вот, возьмите ключи, сеньоры пираты, и забирайте все, – покорно пробормотал нотариус. – Это по совести должен был бы сделать Главный хранитель королевских кладовых, дон Сезар, но его ранил начальник стражи, когда он попробовал помешать бегству его людей, и он скоро умрет.

Вместе с эгерийцем, так и не выпустившим подноса, они спустились глубоко под землю по винтовой лестнице, спиралью обвивающей конный подъемник.

Перед входом в сокровищницу Йунус и его люди остановились в изумлении и замешательстве. Ибо она являла собой естественную пещеру в гранитной скале, на которой, как на фундаменте, и было воздвигнуто сложенное из грубо оббитого известняка здание.

И была пещера перегороджена массивной кованой двустворчатой дверью, подвешенной на железных скобах, каждая величиной с бочонок.

– Вот хвост Ахайды! – ошеломленно пробормотал Антис. – Они ж будут побольше, чем в Рамлейской тюрьме...

Пираты столпились у самых ворот, стараясь получше их рассмотреть. Стальная поверхность была покрыта затейливым танисским орнаментом, и среди причудливых переплетений и завитков не сразу были заметны отверстия замочных скважин.

Йунус некоторое время молча разглядывал все это, затем обернулся к чиновнику:

– Что это значит, сын ослицы?! Тут тринадцать замков, а ключей всего три! Где остальные, шакал?

– Сеньоры, – чуть не плача, пропищал нотариус, – замками ведал хранитель сокровищ, дон но он при смерти. Нерадивые солдаты почти убили его, когда...

– Да лучше бы они тебя закололи, а заодно собственную мамашу! – взревел Эррера, и пираты взвыли, дружно вторя ему.

Урфинд, корабельный кузнец с «Сына Смерти» внимательно осмотрел врата, надежно перекрывающие путь к вожаемому злату, постучал рукоятью топора.

– Хорошая ковка, дюйма четыре будет, – озабоченно констатировал он. – Из полос плетенных ковалось, на водяном молоте. Сталь оружейная, между прочим! Не высший сорт, само собой, но как ломать, ежели чего, и не вдруг соображу!

– Слыхал я про этакое змейство! – поддержал кузнеца кто-то из пиратов. – Таких, вроде, в мире раз-два и обчелся – у короля Эгерии в Толетто, у амальфийцев, в Святом Граде, да еще в генеральной конторе банковского дома Гофферов в Сеговезе. Но у тех золота больше, чем у любого короля будет... Еще у омасского халифа, но те три года танисские молотобойцы ковали.

– Может, подкатить пару бочонков пороху да рвануть? – высказался другой корсар.

– В дупло себе засыпь пару бочонков да рвани! – рявкнул появившийся Старый Сидр. – Тут над нами сорок футов камня, дерьмового известняка, потом сам, что ли разгребать будешь? Если бы можно было пушку сюда затащить, да ядрами стенобитными, из закаленного чугуна, то может дней за пять и одолели бы...

– А за чем вообще дело стало? – раздались голоса. – Потыкаем в скважины, повертим – и подберем ключи-то?

– Не-е, – авторитетно заявил Урфинд, – видал я похожие штуки, у нас в Ганзе купчишки такое любят – ты ключ не в ту скважину сунешь, повернешь, а замок намертво и заклинит.

– Надо Живчика звать! – изрек Эррера.

Спустя полчаса явился Гови Живчик, оружейный мастер с «Бегущего Кабана» – в прежней жизни весьма уважаемый член цеха изготовителей замков в арбоннском Реми. (Угодивший на каторгу за то, что за приличную мзду еще и обучал тамошних воров эти замки открывать).

Скептически изучив дверь, он потыкал в отверстия замков щепкой, отломанной от древка брошенной стражами алебарды, изучил ключи.

– Не выйдет ничего, – сделал он вывод, вздохнув и разведя руками. – Ни слепок не сделать, ни отмычкой не подлезть – вон, какие ключи длинные. Старая амальфийская система – замки мало, что вглубь отодвинуты на консолях, так еще и поворачивать их надо в разные стороны. Нет, ребята, безнадега! Был бы цел хозяин, там можно было бы его *разговорить*, а так...

Пираты хмуро усталились на сжавшегося мышонком эгерийца. Еще бы, тут, всего в считанных футах от них неслыханные сокровища, и вот на тебе – придется уходить, несолоно хлебавши. Конечно, в Туделе можно взять богатую добычу, но это будет капля в море сравнительно с содержимым королевских кладовых!

– Может, капитан чего придумает, – робко предположил Корр о-Данн.

Явившийся в пропитанное смолистым чадом факелов подземелье, Рагир, весьма надо сказать разозленный, ибо его оторвали от потрошения губернаторского архива, потратил от силы пару минут на то, чтобы уяснить ситуацию.

– Так говоришь, ваш главный хранитель ранен? – осведомился он у нотариуса.

– Правду будет сказать, он убит, мессир, – сообщил тот. – Ему разрубили грудь с правой стороны почти до нижних ребер – с такими ранами выжить невозможно: я шесть лет был писцом в Негрискком полку и во Фризии насмотрелся таких вещей...

Рагир раздумывал недолго.

– Пошли, – легонько пнул он эгерийца. – Посмотрим, может и получится чего...

Хранитель сокровищ короны, и королевский ревизор округа Тудела, дон Сезар де Ормо лежал на столе в своем кабинете, кое-как перевязанный собственной нижней сорочкой. Лишь редкое дыхание – хриплое и kloкочущее, вырывалось из груди.

Не исключено, подумал Рагир, что удар нанесли вовсе не в отчаянии и панике, а напротив, решив таким образом обезопасить сокровища от разграбления. Потому как попади чиновник в руки пиратов живым и невредимым – и столь жуткая смерть показалась бы благодеянием сравнительно с теми пытками, которые ему пришлось бы претерпеть.

– Хвост Ахайды! – хрипло выругался Морриганх сквозь зубы, и хотя голос его был не громче обычного шепота, он явственно прозвучал во внезапно наступившем угрюмом молчании.

Глядя на набухшие кровью тряпки, Рагир подумал, что нотариус неправ, и при острой нужде он бы попробовал вылечить этого человека. Но нужды в этом не имелось. Хранитель должен был всего лишь сказать, какие ключи куда вставлять.

– Вот что, как тебя там, – обратился он к нотариусу. – Впрочем, неважно. Ты мне без надобности, поэтому убирайся пока я добрый.

Тот не заставил себя ждать.

А пират, тут же забыв о нем, подошел к недвижному телу, и, протянув к нему руки, воззвал к Господину о даровании толики Силы.

Раненый очнулся...

Он лежал на роскошной кровати среди надушенных подушек и тончайших простыней, источавших благовонные ароматы.

Грудь была перетянута чистым полотном, и боли почти не было.

А прямо напротив него сидел на обитом бархатом табурете смуглый черноглазый человек, в расшитом золотом темно-зеленом мундире береговой службы королевского флота, с орденом Святого Вертранга второй степени на синей кавалерии через плечо, и в полковничьих аксельбантах.

– Рад, что вы выздоравливаете, господин коронный ревизор, – кивнул полковник.

– Пираты... – пробормотал дон Сезар, – этот нечестивец Рагир...

– Бежал с горсткой сообщников в сельву, – презрительно усмехнулся военный. – Мы подошли вовремя. Когда вы встанете на ноги, сможете полюбоваться на виселицы, украшенные пиратской сволочью. А сейчас нам приказано принять под охрану золотые кладовые.

– Кем приказано?

– Новым вице-королем адмиралом Алмейдой, – бросил полковник. – Вот приказ.

В его руках появился лист украшенный золотым тиснением и печатью на серебряном витом шнуре. Так ведь полагается, если хранитель не может исполнять обязанности.

– Да, конечно, записывайте, – свой голос хранитель слышал как бы со стороны, изда-лека. – Первый ключ в верхнюю скважину, помеченную орлом, поворот налево, второй – третья снизу – ягуар с поднятым хвостом, два с половиной ровно оборота направо, третий – большой колибри с распушенным хвостом – не поворачивать, просто вставить на всю длину. Записали?

– Запомнил, благодарю, – поднялся полковник.

Картинка перед глазами раненого сместилась, странно потускнев.

А потом он вспомнил...

– Пойдите! – выкрикнул де Ормо, приподнимаясь. – Вы сказали адмирал Алмейда? Адмирал?!

– Да, промашка вышла, – процедил военный, и сквозь роскошные покои проступили знакомые стены кабинета в здании сокровищницы.

Запоздало хранитель вспомнил, что лишь высшую степень ордена Вертранга носят на кавалерии.

– Я хотел, чтобы ты умер спокойно, идальго, – донесся до него голос «полковника». – Но выходит не судьба. Ты умираешь, зная, что предал свой долг и своего короля.

Из стеснившегося мрака выплыло чернобородое лицо.

Затем адская боль пронзила сердце главного хранителя сокровищ, и мир померк.

...Ну, Рагир, – восклицал Антис, глядя на цепочку корсаров и пленников, выносивших золотые слитки из подземелья. Сегодня же прямо в здешнем храме справлю литургию благодарственную!

«Если бы ты знал, кому надо молиться...» – улыбнулся про себя Рагир.

* * *

Рагир Морриганх сидел в кабинете коррехидора Туделы. Время от времени туда входили небольшие компании его людей и пополняли кучу добытыми драгоценностями, выкопанными из земли или подцепленными железными крючьями в цистернах. Конечно, главный приз взят, но зачем прочему добру пропадать? Сам же он лишь кивал им, внимательно изучая груды отобранных старых бумаг. И если кто и удивлялся, то не подавал виду – это же Рагир! А Рагир знает что делает!

Лишь Йунус осторожно спросил, что нужно в этом старом пыльном хламе его таиф-реису?

– Тут, неподалеку от границ Ничьих Земель, есть золотые копи, – пояснил капитан, перебирая ветхие листы, заполненные корявым почерком и покрытые грубыми, почти выцветшими

линиями карт. – Думаю их найти... Наши друзья пикароны, глядишь, наладят добычу, а мы будем возить.

Он усмехнулся.

Йунус лишь кивнул и отошел прочь.

Ему стало тревожно.

Ибо сейчас его таиф-реис солгал ему. И дело было даже не в том, что старый вояка научился чувствовать и без всякой даже магии, когда не говорят правды.

Просто с детства, проведенного в городе кузнецов и рудознатцев Аль-Камире, Йунус знал, где и что можно искать. И хотя и не изучал всю ту премудрость, знал, что среди глинистых болот и известковых плато Ничьих Земель не может быть ни золота, ни железа.

А вдруг его капитана обманули? Или у него есть какие-то причины скрывать правду? Но все равно старпому это не нравилось.

А Ар-Рагир себе изучал старые бумаги, и зловещая улыбка иногда появлялась на его губах.

Сомнения ближайшего соратника остались им не замечеными.

У входа кто-то громко кашлянул, заставив отвлечься от драгоценных бумаг – описаний предпоследней экспедиции в нынешние Ничьи Земли.

В дверях торчал верный Корр о-Данн.

– К нам тут явился парламентар от губернатора.

– Из болота? – криво усмехнулся Рагир.

– Видимо, – согласился Корр, подталкивая вперед эгерийца в сбившейся повязке и мятом камзоле.

Следом вошло еще несколько ближайших соратников Ар-Рагира.

– И что нам хочет сказать губернатор? – спросил грубовато вожак корсаров.

Эгериец с трудом подавил страх.

– Мне... У меня... мой патрон... губернатор послал меня с поручением к капитану Морриганху, если ему будет благоугодно меня выслушать. Я парламентар, сеньор...

– Какое у тебя поручение? – голос Рагира стал бесконечно ехидным.

Парламентар справился с собой.

– Он хочет попросить, чтобы вы не разрушали город... до конца... И не убивали пленников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.